

Александр Миронов

Тварина

повесть

Александр Миронов

Тварина. Повесть

«Издательские решения»

Миронов А. Л.

Тварина. Повесть / А. Л. Миронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857690-4

Рассказ о взаимоотношениях старшего поколения и младшего. У одних есть опыт, у других много амбиций. О корысти старушонок, привлекающих к себе выгодных старичков на сожительство с целью «прихватазации» их движимого и недвижимого имущества после их смерти. Подталкивающие своих сожителей к этой грани, играя на их слабостях.

ISBN 978-5-44-857690-4

© Миронов А. Л.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	15
5	17
6	18
7	23
8	25
9	28
10	35
11	38
12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тварина Повесть

Александр Леонидович Миронов

© Александр Леонидович Миронов, 2017

ISBN 978-5-4485-7690-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Вот тварина! Вот тварь! – негодовал Никиша. – Вот навязалась! Вот же ж дурак был, а! Вот, дурак!.. Это ж надо было такую глупость сотворить...

Он ходил по кухоньке, мелкими шашками, то ли из-за ограниченного пространства, то ли из-за нервного возбуждения, что проявлялось в движениях ног, на которых он не мог спокойно стоять. Ходил, как заведенный, по привычке поглаживая второй фаланг на среднем пальце левой руки.

В молодости после войны и демобилизации из армии, работая механиком в колхозе, он на ремонте трактора повредил этот палец. Зашиб средний фаланг, может быть, и сломал, или просто косточку приплюснул. Ключ сорвался с головки болта, и он со всей силы приложенной на него въехал кулаком в чугунный двигатель агрегата. В те времена в рукавицах или в перчатках было не принято работать, разве только по зиме. Так что двигатель принял боксерский удар с молчаливой снисходительностью, а сам боксер закрутился возле него волчком. Сбил казанки на всех пальцах, а средний угодил в торчащий из корпуса нарост. Но в деревне медика не было, а ехать в город за сто километров некогда, страда стояла, уборка хлеба была в разгаре и на механике колхоза лежала большая ответственность.

Местная знахарка, осмотрев опухоль, ворчала:

– Чо, помягче-то ничо не нашёл? Нашёл с кем буксоваться. Это, ить, не мешок с овсом, осторожней надоть.

– Да ключ сорвался, Праскова.

– Оно понятно, силы-то немерено. С войны пришёл, так тут покалечишься, – ворчала женщина лет пятидесяти. – Палец-то гнётся?

– Да больно сгибать.

Прасковья покивала головой, подвязанной ситцевым платком.

– На те пальцы, што посбивал, подорожник прикладывай, ранки затянутся. А на етот – два средства: это конский каштан, и желательно – парной. Второе – собственную мочу прикладывать на ночь. Ничё страшного – если и днём недельку-другую подразнишь ею своих механизаторов. Из двух снадобий выбирай что-то среднее, и по почашше, – хихикнула. – Но знай, так просто не отделаешься, маять пальчик долго будет.

Никифор едва ли не всю посевную носил на кисти то увесистый тампон парного каштана, то легкую повязку из собственного лекарства.

Мужики смеялись:

– Никифор, тебе со снадобьем не помочь?

– У моей коровы Зорьки – во, оладушки!

– Да и у самого – не меньше, – смеялись и над шутником.

И процедуры помогли. Опухоль спала, а вот боль «маяла», видимо, при ушибе был повреждён нерв. Вначале зудящая, колючая. Потом, с годами, нудная, ноющая и ослабевающая. Палец стал сгибаться, хоть и не полностью, но в работе уже не мешал, не цеплялся за предметы. Кистью мог обхватить топор, лопату или ключи при ремонте сельских механизмов и автомашин, на которых стал работать позже. Но за годы болезни пальца, он так его полюбил и привык к нему, что это привычка не покидала его до самой старости. Ласкал и гладил его уже автоматически, неосознанно.

– Это ж надо было такую глупость сотворить... – продолжал он возмущаться, натирая палец.

Зоя Гавриловна сидела за кухонным столиком и согласно кивала головой, и волосы, слегка подкрашенные хной, рыжевато-пегие, встряхивались. Она целиком разделяла его негодование. У неё тоже от создавшегося положения на душе было скверно.

Эх, так ошибиться!

Она с тоской оглядывала помещение, – после двухкомнатной квартиры с широкой светлой кухней, это (однокомнатная) вынужденное пристанище выглядело конурой, клеткой, ящиком, и она даже язвила – склепом. Дожила девонька на старости лет. Но сдаваться она не собиралась – это не её стиль. Надо действовать! Как? – надо подумать. И она, несмотря на внешнее спокойствие, сосредоточенно думала. А приходится думать за двоих. Её мозги ещё не повредил старческий маразм, и инсульт не стукнул головой об батарею.

Никифор Павлович был взбешён тем, что все инстанции, в какие бы он не обращался, ему помочь ничем не могли. Всюду разводили руками. И говорили с сожалением:

– Извините, Никифор Павлович, но мы тут бессильны...

Или в той же адвокатской конторе:

– Извини, отец, но, увы, против закона нет другого закона. Смирись. А лучше помирись с внучкой.

Ха, и что за такие законы, которые не могут пенсионеру и ветерану войны помочь? С внучкой совладать! Э-э, да знали бы вы кто это...

Да и как с ней мириться? Из-за неё, можно сказать, своя семья рушится!.. И от предчувствия безвыходности Никифор Павлович негодовал.

Зоя Гавриловна переживала создавшееся положение по-своему и посматривала на Никишу с некоторой тревогой: не добежался бы парень опять до нового инсульта. Неровен час, «кондрашка» хватит. Тогда и вовсе останется бабушка у разбитого корыта.

– Успокойся, Ник, успокойся, – негромко, но с твёрдыми интонациями в голосе сказала Зоя Гавриловна.

Её белое маленькое лицо с морщинами в мелкую сеточку, подпудренное, с подведёнными чёрным карандашом бровями и с подкрашенными губами, было снисходительно-доброжелательным. Зоя Гавриловна вообще была из той породы людей, у которых жизненным девизом было правило: «Спокойствие. Спокойствие, прежде всего. Нервные клетки не восстанавливаются!» И она берегла их. В свои почти семьдесят лет, благодаря этому сбережению, ей удалось сохранить вид, если не сорокалетней дамы, то на пятьдесят быть может. Она не намеривалась жизнь свою заканчивать неврастеником и сморщенной, как измятый лист бумаги. Ей хотелось жить и жить долго, и, по возможности, безбедно, уютно. Но, кажется, на сей раз, она упускает из рук ситуацию.

Эх, поздновато они сошлись, поздновато. Это бы годик назад после смерти Савелия, тут всё выстроилось бы по иному и с наибольшим эффектом для них, а для неё в особенности. Так ведь сам затянул, чёрт старый, пока не клюнул жареный петушок в темяшок... Убегал от женитьбы, пока инсульт не прихватил.

Вначале у него ушла дача. Ну, дача, не такая уж большая ценность по теперешним временам, – продал и раздал деньги по своим детям. Бог с ней. Машина тоже прошла мимо. Старенький «москвич». Жорка, внук его, восстановил, и дед отписал машину ему по дарственной. Поторопился. Недавно хотел было вернуть, да не тут-то было. Ушла машинка. Как и гараж, – нацелился отписать старшему сыну. Ну, этому и не жалко, немало чем помог, тем же добрым словом, хоть и живёт в другом городе, а не забывает, позванивает. И вот теперь квартира... с которой, кажется, тоже пролетают.

– Присядь, Ник, присядь. Давай, я сейчас чаёк приготовлю, да по сто грамм фронтовых примем. Посидим, помозгуем, глядишь, чего-нибудь и придумаем.

Никифор Павлович перестал топтать кухню и присел к столу. Сел, уперся локтями в столешницу и обхватил голову ладонями. Она у него гудела и нет-нет, да и прокалывало то затылок, то виски. Особенно правое полушарие. Ударился этой стороной об батарею комнатного отопления в позапрошлом году, залил кровью пол, измазал шторы и, похоже, что-то сбил в ней, возможно, разбередил старую военную рану, контузию. В голове стало шуметь,

и порой боль пересекала её поперёк. Сколько пролежал он тогда без памяти, не помнит, а когда очнулся, первого, кого на помощь позвал – Зою Гавриловну. Это был верный товарищ, ветеран войны, надежная подруга. А в тот момент стала, едва ли не роднее родной матери.

Почему именно её и почему именно таковой она ему представилась тогда, трудно сказать. За то не продолжительное время знакомства, какое они имели, она была, пожалуй, самой доброй к нему, внимательной и заботливой. А что ещё может так положительно воздействовать на психику пожилого человека, тем более в критический миг его жизни, как не внимание к нему? Потому в сознании, в час печали и боли, всегда проявится тот, кто близок душе и, особенно, сердцу. И, видимо, его больное на тот момент воображение потянулось к тому, кто одарил его своим теплом и чувствами.

А у Никифора Павловича в воспаленном мозгу, среди шума в нём, болезненного состояния всплыл тогда никто иной, даже не дочь, не сыновья, а этот милый образ, к которому он и потянулся, как ребёнок к матери. Потом подпал под её влияние, с той же детской непосредственностью. Внешне он выглядел вполне здоровым и в поступках, и, пожалуй, в рассуждениях ничем не выделялся, но Зоя Гавриловна уловила эту зависимость от неё, и помогла ему своей обходительностью, направляла его мысли и действия. И он всё более к ней привязывался, слушался. Шёл на её «поводке», сам того не осознавая. Да и не только он. Было в этой женщине нечто, что могло внушать доверие к ней, и она могла проникать человеку в сознание и в душу.

Зоя Гавриловна подошла к Никифору Павловичу, положила ладони на его голову и стала поглаживать по волосам. От её прикосновения, участия, доброты в Никифоре Павловиче ослабло напряжение, и он почувствовал, как жар, обложивший голову, стал затихать, а свинцовая тяжесть как бы скатываться с головы по позвоночнику вниз. Облегчение и покой начали растекаться по телу. Он задышал ровнее, руки его опустились на стол, и пальцы правой руки обвили фаланг среднего пальца левой руки. Такую легкость он испытывал, пожалуй, только в детстве. Может во сне. Из памяти уже и детство стало теряться. Да и сама память давала сбои и часто. Только вот при ласке да при душевном участии она как будто бы оживает, возвращаются призабывшиеся ощущения.

И участие Зои Гавриловны проняло его до слёз. Он как ребёнок зашмыгал носом. И обида на родственников, сконцентрировавшая на облике Кати, стала разрастаться. Он захлипывал.

– Ох, и твари-ина...

– Тише, тише, спокойно, милый, – приговаривала Зоя Гавриловна, нежным грудным голосом. Но глаза не выражали искреннего сочувствия.

2

Познакомились они три года назад, хотя и проживали в одном микрорайоне за четыре дома друг от друга. А в большом городе, где один дом по народонаселению больше иной деревни, такое вполне возможно. В своём-то доме из пяти этажей и семи подъездов не всех знаешь, а что говорить о соседях по улице, по микрорайону. Вот так вот и жили, друг от друга рукой подать, а встретились и познакомились когда – на вечере ветеранов Отечественной войны, куда Никифор Павлович попал впервые и где, по случаю, они оказались за одним столиком. Видимо, судьба счастливые дорожки налаживает хоть и с запозданием, но в своё время.

Вначале Зоя показалась ему очень молодой и если бы не орден «Отечественной войны второй степени» на лацкане тёмно-синего костюма, ни за что не поверил бы, что она из той плеяды людей, что и он, о которой всё же нет-нет да вспоминают, по праздникам. Она была невысокого роста, в теле комсомолки-активистки и не в «хилом» наряде. Кроме костюма на ней была кофточка, даже очень белая, такие теперь прозывают как будто бы «кипельными» (напридумывали же словечек! – не в «хилом» наряде, «кипельными»... – от внучки слышался), и серебристая розочка на левой груди. Розочка при дыхании груди или при движении тела переливалась, серебрилась при ионовом свете в помещении. Казалось, она грелась на этой тёплой подушечке, на свету. Цвет костюма гармонировал с голубыми глазами, правда, слегка поблекшими, но выразительными в рамочке черных ресниц и тонких бровей и потому казавшимися лучистыми. Щёк не тронула возрастная бледность, или почти не тронула, на них умело были нанесены румяна, которые выглядели не вычурно и не кичливо. Правда, на губах помада была немного ярче, однако, в меру и потому так впечатляюще и моложаво выглядела женщина.

За столом, после ста граммов фронтовых и прикупленного «на прицеп», Никифор Павлович повёл себя несколько раскрепощённо, да и соседи стали словоохотливыми. И на очередной вальс под фронтовую песенку он уже пошёл с молодецким задором, пригласив на него новую знакомую. К тому же Зоя Гавриловна была внимательна к нему. Особенно, когда выяснилось, что фронтовые пути у них пересекались, и даже едва не сошлись в Японскую компанию при высадке десанта на остров Сахалин и далее – на Курилы. После героических и в то же время драматических воспоминаний, между ними возникли едва ли не родственные отношения, скрепляющие души фронтовиков. Его рассказы она воспринимала с неподдельным интересом и всячески поддерживала начатый им разговор. С ней было непринуждённо, спокойно, душевно комфортно. И так стало жаль в этот час, что такая женщина прибыла на Сахалин со вторым эшелоном. Ведь могли бы встретиться. И, быть может, жизнь прошла бы по-другому, интересней...

Танцевать Никифор Павлович умел, в рамках домашнего обучения. Так же, наверное, как большинство людей его возраста, поскольку припадочных танцев они в своей молодости не знавали, а с годами, наоборот, дорожили старыми танцами, и танцевали только их, принципиально и с наслаждением. Зоя была из тех, из довоенной поры, а потому умела вальсировать и быстро подстроилась под вождение кавалера. Никифору Павловичу и эта особенность партнерши пришлась по душе.

В танце Зоя выложила своё мнение о нём.

– Вы одинокий? – поинтересовалась она.

– Да. Как вы определили?

– Ну... – она игриво дернула душкой подрисованной брови и засмеялась. – Глаз намётан, с войны пристрелян.

– А вы тоже, – наугад сказал он.

– Да. А вы как поняли?

– Тоже глаз намётан.

И им обоим показалась такая шутка уместной, веселой, и они стали кружиться.

Потом он спросил, перейдя на «ты»:

– Давно вдовствуешь?

– Пять лет, – слукавила тогда она. На сам деле... – А ты?

– Я второй год.

И эта подробность стала ещё одним связующим звеном, закрепляющая их отношения.

Но говорить о жене-покойнице не хотелось, и Никифор Павлович перевёл разговор на фронтовые воспоминания. О том, как в начале войны он был на западном фронте и как их учебный авиаполк разбомбили под Вязьмой, где, к счастью, он был лишь контужен и ранен в голову.

Показал заросший волосами шрам, оканчивающийся на лбу едва заметной загогулиной. Она пощупала его пальцами, – удостоверилась, проявив здесь свой профессиональный навык.

Посетовал на то, что до этого года не мог оформить военную надбавку

– Я ведь был при авиации. Механиком самолетов.

– А я при госпиталях, – сказала она. – С начала сорок второго и до сорок седьмого. Вначале санитарочкой, потом медсестрой. Потом демобилизовалась вместе с мужем.

– Долго не мог оформить военную надбавку за ранение и контузию – потеряны документы. По врачам и комиссиям загоняли. А сейчас у нас в городе новый военком, – продолжал Никифор Павлович. – Молодой подполковник. Матюгнулся, да и говорит: сколько же можно над стариком издеваться!

– Это кого он стариком обозвал? – рассмеялась партнерша. – Совсем человек не разбирается в людях.

Никифора Павловича её шутка тёплой волной окатило сердце, и в глазах засветились искринки. Он тоже засмеялся, прижав её к себе, скорее от охватившего чувства благодарности, неожиданно. И испугался невольного порыва. Но Зоя не отстранилась, а лишь вскинула глаза. Это его смутило, и он принял дистанцию. Смущенный и взволнованный он продолжил прерванную тему:

– Сюда попал первый раз, все как-то некогда было.

– То-то я смотрю, новый человек. И довольно-таки бравого вида. Правда, немного подзапущенного.

– Так возьми шефство!

– Ну-у, поживём, увидим.

– Да чего смотреть? Я уже ранен... осколком из-под Сахалина

– В наши-то годы и говорить о сердечных ранениях?

– А причём тут года? Недавно сказку по телевизору слушал. Так в ней царь, старик, так говорит: «Если все любви покорны, так и я покорный то ж...»

Засмеялись. Зоя Гавриловна на его заигрывания посматривала снисходительно. Как на нечто занимательное и не реальное. Хотелось бы... но кого-нибудь помоложе, по её запросам, на кого она ориентирует себе и внешне поддерживает. Старики ей уже успели поднадоесть. Но от проводов тому, что досталось с вечера, себя не отказала.

Шли через два микрорайона пешком.

– Живу один. Скучновато.

– Мне тоже.

– Тогда, может, ко мне зайдем, или к тебе?

– А почему бы и нет? – игриво засмеялась она.

– Ну, так – куда?

Она пожала плечиками.

– Все! Начнём с моего приглашения! Или с твоего?

– Ну что же, начнём с моего.

Он приобнял её и повлёк решительнее.

И на удивление, и на радость Никифор Павлович оказался не из исхудавших и не выболелых мужичков. Видно, судьба его хранила, а природа сохранила ему силы и, возможно, для неё.

Со старостью приходит мудрость. Если в молодости на знакомства и на ухаживания можно себе позволить роскошь и потратить дни, недели, месяцы, а то и годы, то в возрасте такое расточительство просто непозволительно. Тем более старик, кажется, запал, как говорит молодежь, на неё серьёзно. И тут, пожалуй, есть свой резон...

В постели, глядя куда-то на окно в темноту ночи, говорила затейливо:

– Никифор Павлович, я вас буду звать Ником. Вы не возражаете?

– Да, пожалуйста.

– А то Никифор – это что-то грубое, мизантропическое, не современное.

– Да хоть копчёным горшком, только в печь не сажай, – засмеялся он. – Главное – чтоб любила и горячёр к себе прижимала.

Он положил Зою себе на грудь, и стал целовать.

А он действительно забыл о годах. Женщина ему уж очень приглянулась, пришлось по душе.

Ещё при жизни супруги, из-за её болезни, когда уже ей было не до интимных отношений, он стал «прихватывать» на стороне, и, как ему казалось, промаха не давал. Благо, что по соседству на даче было с кем. Главное, не дать организму застояться, ослабнуть. Ржавеет ведь не только металл. Когда Анна слегла, Никифора стали интересовать в соседке по дачи женские прелести. Повод нашёлся.

– Поля, – позвал он через забор, она подошла. – Слушай, пойдём ко мне.

– А что случилось? – выгоревшие на солнце Полины брови вопросительно вздрогнули.

– Да сегодня как-никак праздник.

– Какой?

– Вот молодежь пошла, даже такие памятные даты не знает.

– Что за дата, Никифор Палыч?

– Так 9 августа, день победоносного наступления Красной Армии на японских милитаристов.

Полин курносый нос обострился, челюсть отвисла.

– Ай-яй, а я, действительно, не помню.

– Так пойдём, вспомним и отметим. А то одному как-то не очень...

– Ладно. Сейчас приду.

Пока Поля управлялась со своими делами, он в кухоньке, пристроенной мансардой к входу дома, накрывал стол. Нарезал помидоры, огурцы, достал из холодильничка «Бирюса» колбасу. Нарезал хлеб в тарелку. И поставил на стол пол-литровую бутылку с самогонкой. С грядок нащипал перья зелёного лука и укропа. Ополоснул их под умывальником и положил в отдельную тарелку.

В предвкушении приятного застолья, потёр ладони. Оглядывая сервировку, стал потирать средний палец на левой руке. Кажется, стол готов.

Пришла Полина.

– Садись, – показал на стул справа у столика и достал с висевшего на стене небольшого шкафчика два граненых стакана. Наполнил их до половины. Сел сам.

– Ну, Поля, давай за тех, кто командовал ротами, и тех, кто ложились ротами. Пока не чекаясь.

Он выпил полностью. Она половину.

– Что-то ты не всё выпила? – спросил он недовольно, занюхивая хлебом и закусывая луком.

– Не могу. Тяжело по такой норме за раз.

– А тем, кто в атаки ходил – легко было? Давай, допивай. Не оставляй зла. Помяни по-человечески. И закуси вот, помидорами, огурцами, колбаской. Давай, давай. По второй уж – сколь душа примет.

– Так я опьянею, – хихикнула, как всхлипнула.

– Ну, так и что? На то и пьем, чтоб хмелеть, да жизни радоваться.

Полина выпила. Стали закусывать. Он одобрительно кивнул.

– Я, Поля, и на западном фронте был, и на восточном. Всего повидал и пережил. И ранен и контужен был. Вот она, отметина, – показал на лоб и на теменную часть головы.

Поля сочувствующе покачала головой. Сказала:

– Я думала – это у вас с детства.

– Ага, с детства. Такого детства никому не пожелаю.

Налил ещё в стаканы.

– Ну, а теперь давай за тех, кто горло ломали врагу, – подождал, когда она поднимет свой стакан, чекнулся с ним.

Он выпил залпом, она по плоточкам, но осилила всё.

Никифор Павлович предался воспоминаниям. Она сидела, слушала, живо сопереживая, чем всё более подогревая его сердце. Он уже видел в ней интересную собеседницу, и приятную женщину. А когда Поля поддержала начатую им песню «Эх, дороги, пыль да туман...», он расчувствовался, наклонился к ней, приобняв, поцеловал в лоб, в щеку. Она, пьяненько хихикая, слабо попыталась отстраниться. Но он ещё крепче обнял Полю за шею, поднял за подбородок голову и выбрал её влажные мягкие губы в свои. Поля замычала, как бы в сопротивлении, но сил не хватило вырваться. А когда на груди почувствовала под рубашкой и лифчиком его ладонь, воля к сопротивлению оставила, она обмякла.

Он поднял её на руки и понёс в горницу.

Поля шептала:

– Никифор Палыч... Да как же? А тетя Аня как?.. А узнает?

– А ты что, ей нашу картинку будешь по телевизору показывать?

– Ну, ведь совестно...

– Тебе-то чего стыдится, холостой? Мне бы ещё можно. Да и то если бы я при здоровой жене на сторону заглядывал. Уж полгода на сухом пайке. Мы ж друзья с тобой, выручай. Я тебя выручаю, вот и ты меня выручай. А я тебя шибко хочу...

Потом, после смерти жены, появлялись женщины, правда, не всегда бескорыстные: некоторые старались кое-чего заполучить от него, как бы за предоставленные услуги. Но это касалось в основном тех, что помоложе. Так постепенно разгрузился вначале платяной шкаф от одежды покойницы. Потом – полки посудного шкафа полегчали. Кому и деньгами «помогал», поскольку времена настали трудные, постперестроечные. А больше – самогоночкой. Она проходила, как жидкая валюта, – сейчас баб развелось пьющих, курящих больше, чем мужиков. Но пьющих он всё же старался избегать. Потому что были среди них и такие, что исподтишка обворовывали, – кое-какое золотишко, бижутерия и прочее ушло. Когда Катеринка после родов приехала с правнучкой, то только руками всплеснула от восторга и то не радостного.

– Дед! А где бабушкины кофточка, платье?

Или:

– Где бабушкины ожерелье, серёжки?

– Продал!

«Где-где? Счас, отчитываться начну», – проворчал он про себя.

А он действительно был недоволен приездом внучки. Полюбилась ему одинокая жизнь холостяка. Тем более сейчас, при обходительном отношении и догляде фронтowego товарища.

Никифор Павлович в свои, казалось бы, преклонные годы, чувствовал себя далеко не немощным. У него на роду была написано долголетняя жизнь и не менее чем до ста лет, и притом – деятельная. Это ему отец и дед, и прапрапрадеды передали, как ценное достояние. И он его унаследовал, и пользовался им. Все они, предки, столь заманчивый рубеж достигали, или почти достигали. Да неужто он не наследник своих предков, и уступит им? А, встретив Зою Гавриловну, в нём заиграло ретивое и не на шутку.

Жениться Никифор Павлович, в принципе, не хотел и не женился бы ни за какие коврижки. Он наелся этой жизнью с Анной Николаевной «по саму под завязку». При одном только воспоминании, особенно при последних месяцах её жизни, у него всё внутри переворачивалось. Этот кошмар преследовал его постоянно. И теперь, ему казалось, что он вырвался из ада. Конечно, он понимал, некоторым старушкам хотелось бы на старости лет преклониться к чьему-нибудь плечу и прожить остатние годочки не в одиночестве, надеялись. Таких бабёнок жалко было, и в душе он сочувствовал им. Другим же хотелось от него нечто материального. И он им оплачивал, и кое-чем из предметов своего быта. Да и для кого теперь что беречь? Гори оно синем пламенем, лети всё прахом. Когда жива была жена, когда семья была, наживал, старался, а теперь?.. Пожить надо хотя бы чуть-чуть для себя. Хватит, пожил, что называется, за того парня, весь долг ему выплатил, и сполна...

Встречу с Зоей Гавриловной воспринял более эмоционально. И встречался с ней охотнее. И ещё чем Зою отличало от некоторых, она была самодостаточна: имела хорошую двухкомнатную квартиру, современную обстановку в ней – телевизор, видео, музыкальный центр. Кроме того – два гаража, которые отписала внукам, машину «Волгу» – зятю. То есть всё, что имела, что наживала когда-то в трудах и хлопотах, чётко расписала по родственникам, – приёмной дочери (чего и не скрывала) и её сыновьям. Единственное, чего бы ей хотелось ещё, так это младшему внуку однокомнатную квартиру. Или старшему – двухкомнатную, а младший чтобы перешёл в его однокомнатную. Ну что же, всё лучшее – детям. Серьёзная женщина, серьёзные задачи. Не то, что некоторые из тех подружек, что живут одним днём и мелочами. Она же от него ничего не требовала, и, наоборот, встречала его всегда с накрытым столом и соответствующей сервировочкой.

Желание Зои Гавриловны было вполне понятным Никифору Павловичу, естественное стремление. У него у самого жили подобные цели. Правда, они были связаны не с квартирами, хотя хотелось бы отселить внучку. Да вскоре пропали и они. На последних двух годах жизни Анны Николаевны пропало. Вместе с семейными чувствами и привязанностями. Всё в нём поотравили.

3

Лет за пять до смерти Анна Николаевна начала слепнуть. С ним такое тоже было, но вовремя удалось сделать операцию на глазах. Еще до перестройки. Хоть и не восстановили зрение полностью, однако же, не ослеп, и, слава МНТК, до сих пор сносно видит. Правда, читать трудно, но это не столь важно. Расписаться и деньги сосчитать при помощи очков можно, и того достаточно. Новости, известия, о том, что в стране понаделали эти «дерьмократы», он и по телевизору посмотрит, и притом – наисвежайшие. А если надо что-нибудь для души, – пожалуйста, кинофильмы. Правда, боевики заграничные, от которых волосы дыбом становятся, не смотрел и не смотрит (еще зрение тратить!). А больше из национального самосознания ими пренебрегал. Называл дикостью, дуристикой. Но когда шли отечественные кинофильмы, да если ещё его молодости, тут всё бросал, от всего отключался, или же от всех программ переключался на тот, на художественный. Тут уж простите-извините, не мешайте. За что не раз входил в противоречия с Екатеринкой, а то и с Анной Николаевной, – она часто принимала сторону внучки. Он злился, ругался, порой не сдерживался и замахивался на молодое поколение. И домочадцы знали – время «Новостей» и «худфильмов» – время деда. Однако же и это время приходилось отвоёвывать.

Слегла Анна Николаевна из-за слепоты. Ходила по квартире на ощупь, придерживаясь за стены, за шкафы, стулья. И однажды «дошарашилась», – запнулась обо что-то, упала и сломала ногу. Она в старости отяжелела, погрузнела, а при неуверенности в движениях, при плохой видимости стала неуклюжа, неловка. Почти год ждали, когда срастётся кость голени. Ждали и подкапчивали деньжата ей на операцию на глазах. Анна Николаевна начала подниматься помаленьку, и при чьей-либо помощи: Катиной (зачастую), да его (мужа) ходила по квартире. Стала помогать мелкой работой на кухне, уборкой по квартире, и этим работам была рада. Хоть какая-то да помощь от неё, хоть какое-то живое участие.

Под весну подвернулся навоз. Трудно с ним стало. Совсем колхозники перестали его продавать. С этой перестройкой не стало в колхозах скота, и, следовательно, то, что он производил, стало на вес золота. А какой огород, дачный ли участок, без этого добра? Пустопорожние хлопоты. Нет тебе ни картошки, ни помидор, а уж про огурцы и говорить нечего. Да того же лука с чесноком. И он купил навоз. Конечно, с женой согласовался. Сказал:

– Сейчас купим навоз. А к лету поднакопим деньжат, сделаем тебе операцию.

– Делай, Никифор, как знаешь, – ответила Анна Николаевна и со сдержанным вздохом отвернулась.

И сделал, как посчитал нужно. И сделал правильно. Кто ж знал, что её опять по квартире «шарашиться» потянет? Дома одна была и решила прогуляться. И опять чёрт поддел на рога. А при таких объемах немудрено было поломаться – сломала тазобедренную кость! Ох, и зло ж тогда на неё охватило. Вот была бы его воля – добил бы, наверное. Пошли пелёнки, горшки, кормление, поение, едва ли не из ложки, сидеть не может, да ещё не видит ни черта, мимо рта льёт. И так-то надоела, а тут лежит, как труп, только глазами рачьими лупает, да рот разевает. Правда, пока Екатерина жила, он этого мало касался, за дачей прятался. Она за бабкой ухаживала, всю заботу о ней на себя взяла. Так это и правильно, на то мы их, детей и внуков, растим, чтоб в старости от них, хотя бы стакан воды дожидаться.

4

Случилась эта беда после скандала. Подошла очередь операции, а денег нет. Когда выяснилось, куда они и на какое благое дело были использованы, Катя аж пятнами красными пошла, глаза по форточку распахнула.

– Ну, ты старый и дурачина! – (Такого он ещё не слыхивал от неё!) – Ты что, совесть совсем на даче закопал, а глаза навозом законопатил?

– Так она сама согласие дала! – ответил он, опешив.

– А что она должна была тебе дать? Беспомощная и от тебя зависящая, а?

– А что ты жрать будешь зимой? На балконе что ли вырастила?

– Да не хрена ни с тобой, ни со мной не случилось бы, перебились бы. Ха! Ему дерьмо стало дороже здоровья жены. Себе сделал операцию, а она – погоди? Ох!.. – и он услышал всю прелесть крепкого русского языка, коим сейчас перенасыщена Россия-матушка, особенно среди подрастающего поколения.

И он сбежал на дачу. Там только немного пришёл в себя. Да и было с кем отвести душу, на чьём плечике поплакаться. И всё равно он не чувствовал за собой вины. Никифор Павлович от самых корней своих, и притом, глубоких был крестьянином. Им были отец, дед, прадеды, все они, рода Полуниных, переехавших из вятской губернии по Столыпинскому призыву осваивать просторы Сибири. И хорошо на новых местах обжились. Не раскулачь их в двадцать седьмом, вот крепкущая была бы семья. И он постиг всю премудрость крестьянского труда с пелёнок, с молоком матери её всосал. Поэтому-то у него дача была одна из образцовых. У других глянешь в огород, кроме картошки, да чахлой ботвы помидор под маленьким парничком, не на что и глаз положить. А у него: парники под стеклом, высокий – для помидор; поменьше – под огуречник. Рамы на шарнирах, открываются. На грядках зелень и притом сочная, и притом съестная. А про картофель и ягоды – говорить нечего, как на опытной станции. И что, всё это – для себя одного что ли?..

Никифор Павлович негодовал. И надо же было ей – опять поломалась! Да кто ж тебя просил «шарашиться» по квартире, какому чёрту ты опять на рога попала?.. Нет сил, так лежи, прижми то, на что теперь и присесть не можешь. Или подушку подвязывай. Ух, корова!.. – метался он по даче.

И так-то с внучкой терялся контакт из-за её разгульного (как ему казалось) образа жизни, тут из-за этих денег. А как только бабка сослепу поломалась в последний раз, и вовсе глядеть друга на друга не могли без внутреннего содрогания. По крайней мере – он.

Да ещё, как на смех, вынося из-под жены утку, ему порой нет-нет, да кто-нибудь шепнёт на ушко:

– Ну, как навозик, ха-ха! Таскай теперь его в пригоршнях! – и голос будто бы её, Екатеринбургин, ехидный. И это ещё больше уязвляло его гордое самолюбие.

И за что это ему?..

И в городе, в квартире, стало не выносимо жить. На даче жил почти безвыездно. В доме, деревянном, добротном, им самим, при не большой помощи сыновей и зятя, выстроенном, была каменная печь, кроме того – газовая печка, газовый баллон. В нём можно было жить припеваючи, поскольку и бражёнку можно было «затереть», и самогончику выгнать. Во дворе стояла банька – мойся, парься, отмывай грязь огородную, да грехи мирские. И жил. Приезжал домой лишь в дни, когда пенсия подходила. Проводывал жену, выражал нечто сочувствующее. Рассказывал о делах огородных, о трудах и заботах вкладываемые в этот огород. День, два и уезжал обратно.

Катя работала по двенадцать часов в каком-то киоске на частника, и без обеда. Слепая и немощная больная была рада общению с кем-либо, а тем более – с мужем. Но дела ого-

родные звали его: весенний... летний... осенний день зиму кормят. И она смирялась, хотя кто знает, что в её душе томилось? Поблекшие глаза постоянно плавали в слезах. Да вздохи, покрывали не высказанные ею слова.

Приезжая домой, Никифор Павлович заставлял некоторые перемены и не в лучшую сторону. Анна Николаевна совсем разъехалась вширь, под ней кровать просела едва ли не до пола. Они по привычке спали на кроватях с панцирными сетками и не меняли их тоже по привычке. А однажды заметил полноту и в Кате...

Если полнота жены вызывала брезгливость и всё более создавала между ними отчуждённость, то полнота внучки – возмущение. Изменения в Екатеринке его подорвали, как детонатор гранату, тут уж он не отмолился, дал разгона обеим. Досталось и малой и старой. Одной за блуд, другой за осиплый голос, раздававшийся из спальни в защиту внучки. В результате, блудницу выгнал из дому, а жену закрыл в спальне и сам стал жить в зале на широком скрипучем диване с верным другом телевизором.

Но тот, кто рождён был под знаком Водолея, по характеру своему, как его не закалив, всё равно в уголках души своей останется мягким и незлобивым. И порой не всегда может скрыть этого во внешних проявлениях: в словах, в улыбке, в поступках. И в Катином характере это всё проявлялось. Дед же был Скорпионом. А те моральные, домостроевские устои, заложенные в его сознание с детства, ещё в начале прошлого столетия, не ослабевшие в первую и в последующие, затем в послевоенные пятилетки, а также в период развитого социализма, не позволяли ему сойти с того нравственного русла, разумеется, и в постперестроечную пору. Но оказывается, понятия о нравственности за три поколения несколько изменились, и в стариковом понимании далеко шагнули... назад. Если интерпретировать классика Советской литературы, то его выражение теперь будет звучать примерно так:

«Молодость нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за напрасно прожитые годы. И чтобы не жгло запоздалое раскаяние на старости лет, что вся жизнь была проведена в скуке и в унынии. Поэтому отрывайся тут, на том свете не дадут...» Ну и так далее. Это Никифор Павлович услышал от кого-то со стороны. Но характеристике теперешнего поколения соответствовала.

Следовала ли Катя в своей цветущей молодой жизни этому тезису? – не нам судить. Но, по мнению деда, которое сложилось на основании некоторых наблюдений, то – да! И своего мнения он не скрывал, выражал его с прямолинейной простотой, чем ещё более увеличивал между ними разрыв. Мудрость, то есть старость, дана на то, чтобы молодость не отрывалась, не оступалась. Но, однако же, просмотрел. Однако же, оторвалась!

После ухода внучки остался в квартире с больной женой, но не с постоянной пропиской. Дача по-прежнему звала к себе.

Перед Новым Годом за Катей приехали зять с дочерью, и увезли её за «три локтя по карте». И если, в отсутствии деда, внучка, жившая тогда на квартире, прибегала и ухаживала за Анной Николаевной: меняла ей простыни, обмывала, переворачивала, чтобы на теле бабушки не появились пролежни; готовила что-нибудь на обед или на ужин, то с её отъездом вся забота о больной легла на него. А Никифору Павловичу так надоели эти живые трупы, что и своя жизнь была не мила. Мать жены, бабка Маня, тоже отлежала немного немало двадцать три года по причине кровоизлияния в мышцы ног, что привело к их атрофии.

И остался он один на один с женой...

5

– Ник, что-то мы давно не были у Вáрюшки Стехиной. К Маланьюшки Федурцевой не заглядывали, – сказала Зоя Гавриловна как-то поутру. – Может, давай, в эту субботу к Варе сходим, а в воскресенье к Маланьюшке?

Никифор Павлович, побрившись и освежившись одеколоном «Александр», вошёл на кухню. Садясь к столу, согласно кивнул. Мысль Зои ему понравилась.

– Хорошо, сходим. Нельзя родственников забывать. Не то придёт час, они о нас не вспомнят

Мысли этой женщины вообще удачно совпадали с его мыслями. Он ещё не успевает подумать о чём-либо, как она уже их озвучивает. Вот, в сущности, чужой человек его родне, а не забывает о них, и ему напоминает. И, действительно, почему бы ни сходить и не попрощаться с племянницей? Тем более они, кажется, у них давно не были.

Племянников у Никифора Павловича было много. В своё время отцова семья состояла из одиннадцати человек, не считая родителей. Он был предпоследним, десятым, и остался последним из всех братьев и сестер. И поэтому племянницы его любили, как родного отца. И все для него хотели сделать и старались делать, чтобы он жил обласканным и жизнерадостным. Помогали ему, если не финансово, то морально от души и бескорыстно. А племянников, то есть в основном (по какому-то чудному закону природы) племянниц, у Никифора Павловича было едва ли не во всех уголках необъятной, ещё не распавшейся тогда Родины. На день рождения – отовсюду письма, открытки, телеграммы, как ласточки по весне, а к нему – по осени. На Октябрьские праздники, день в день, как по залпу Авроры, только с ним заряд немного затянулся – («батька долго заряжал!») – годом позже выстрелил, и на свет появился ангел под именем Никифор. В день рожденья по поздравлениям хоть изучай географию страны Советов.

Когда он остался один, без жены, то всю весну (поскольку болезнь скончалась в апреле), почти до самого лета, летели письма и телеграммы полные сочувствия, сострадания, и с приглашениями: кто звал на постоянное место жительства, а кто погостить, посетить родственников. И если бы он пожелал совершать гостевые вояжи, то можно было весь год провести на колесах и у родственников пожить, не надоедая им и не объедая их, и попутешествовать. Но он, принципиально, пока ходит на ногах, пока руки целы, с места не страгивался, даже к дочери, к которой имел бóльшую привязанность, или к старшему сыну Витьку. Но теперь, когда сошёлся с Зоей Гавриловной, то и вовсе не зачем. Он при месте, при доброй и заботливой женщине. А что ещё на старости лет надо? Спасибо, милые! Спасибо, заботливые вы мои, но лучше-ка мы будем жить сами по себе, а вы любить и уважать нас на расстоянии.

6

На очередной свой день рождения, которое случилось через три года после смерти Анны Николаевны, Никифор Павлович созвал большое представительство из числа родных и двоюродных родственников, чтобы отметить это рядовое событие. Хотя такая дата для некоторых его сверстников отнюдь была бы не проходной и, если бы они имели физическую возможность до неё дотянуть, то, наверное, были бы очень рады отметить столь уважаемый возраст пышно, шумно. И не только с родней, но и со всеми друзьями, с друзьями друзей, с коллегами и калеками и пр. пр., только бы Господь позволил им дожить до этого дня. Но, Никифор Павлович не оценил столь щедрый дар, и потому пригласил лишь узкое застолье, только родственников. Возможно, исходя из скудных своих финансовых возможностей, слегка подпитанных ближайшими родственниками – в основном сыном Вадимом, живущим ближе всех. И сделал именинник этот акт не столь помпезно ещё и потому, что решился на последний и отчаянный шаг, который не терпит суеты, и принуждает провести его скромно, сообразно возрасту. На что опять же была выдана рекомендация его близкого друга, фронтового товарища.

Когда гости выпили за здоровье атамана, – от душевной щедрости дядюшке был пожалован столь уважаемый чин за столом, не столько, как удалому казаку, а как предводителю рода, – атаман поднялся сам. Встал и, обведя гостей затуманенным взором, со слегка увлажненными глазами и в то же время, ни на кого как будто бы не глядя, заговорил:

– Собрал я вас всех, дорогие мои, ещё и вот с какой целью... по причине э-э... – и было потерял мысль, запнулся. Уж больно важным было сообщение, и тяжесть его в столь серьезный момент перехватила дух и помutilа сознание. – Э-э... Так вот... Дети мои...

Его заминку собравшиеся восприняли по-своему и дружно зааплодировали, выражая тем самым восторг и восхищение им, его завидному долголетию, бравому виду. И просто из любви к дядюшке.

– Никифор Палыч!.. Дядя Никифор!.. Отец наш!.. Дай вам Бог!.. – поднимались вверх бокалы и рюмки.

Но даже эта радостная триада слов, не достигала своего апофеоза. Ибо он лучше всего выражается в молчании, и притом единодушном.

– Смелей, атаман, смелей!.. Мы рады вас послушать!

И он сказал. Да так, и такое...

Зоя Гавриловна, единственная гостья со стороны, сидела за столом в окружении родственников. Ей было очень приятно видеть, как родственники чествуют своего дядюшку. Ибо у неё своего подобного коллектива никогда не было, да и родных детей тоже. Она смотрела на Никифора Павловича с обожанием. Смотрела взглядом, передающим мысли на расстоянии, подбадривающим его. И, возможно, она каким-то чудесным образом подсказала их нить вновь и направленность, и атаман оживился.

– Так вот, дорогие мои... – продолжил Никифор Павлович, глядя на Зою Гавриловну. – Я пригласил вас к себе не столько даже на день рождения, хотя нет, конечно... день рождения это тоже случай. А пригласил я вас, чтобы, пользуясь этим, так сказать, моментом, объявить вам о том, что я... – и он сказал, как отрезал: – Я женюсь!..

Вот тут как раз настал тот самый момент, когда всех охватило онемение, в виде молчаливого восхищения, удивления. Ибо тут тот самый возраст: когда, как бы живому не пропасть... Да и жених, как бы он не «хорохорился», вряд ли мог достойно управлять своим, как всем казалось, чудосочным телом. И в делах интимных, не посрамит ли он честь лихого атамана?

Но это молчание было только на руку оратору, оно позволило ему закончить речь, если не торжественно, то вдохновенно.

– Вы, наверное, помните, а если нет, то я поясню. Год назад, вот на этом самом месте, – показал сзади себя рукой окружность на полу возле чугунной батареи отопления, как на карту театра военных событий, – я лежал умирающим. Я упал и разбил себе голову об батарею. Не знаю, отчего это произошло, и долго ли я пролежал? – но, судя потому, сколько я потерял крови и что я перепачкал ею в беспомощности, можно предположить – долго. И, наверное, тут бы и умер. Но... не умер. Меня выходила вот эта женщина, – показал на гостью рукой, держащей рюмку. – Ей я обязан жизнью. Поэтому прошу любить и жаловать эту чудесную женщину, как мою жену!

Гости устремили взгляды на чудесную женщину. Она же от смущения, как подобает невесте, слегка кивнула головой, опустив глаза долу. То есть на рюмку с водкой, стоявшей на столе, покручивая её за ножку. Она сама предусмотрительно попросила наполнить сосуд водкой, ибо все остальные напитки туманили ей мозг, а водка в небольших количествах – наоборот, очищала. А лучше спирт, привычка ещё с военных лет, с госпиталей, в которых она воевала, – как говорила сама. Теперь присутствие незнакомой женщины стало для всех очевидной и понятной причиной. Как и «кипельно» белый наряд с белой розочкой на груди, и подобранный соответственно случаю и возрасту макияж.

– Так вот, дорогие мои дети и племянницы, принял я решение, вернее, приняли мы наше обоюдное решение – сойтись. То есть создать одну семью! – при последних словах его голос окреп, и глаза влажно поблескивали, затуманенные возрастной бледностью и волнением, граничащие с безумием, что вполне можно понять и оправдать в столь важный момент любого молодожена. Видимо, женитьба всегда сопряжена с умопомрачением. А тем более в переходный возраст, с седьмого на восьмой десяток лет.

Дети: средний сын Вадим, сидел, опустив голову, не проявляя никаких эмоций, к папиным чудачествам он уже по привычке; дочь Татьяна, смотрела на отца с недоумением и тревогой. Оба они выражать свою реакцию на столь экстравагантное заявление не решались. Старший же сын Виктор пьяненько улыбался, готовый воскликнуть «горько!» и опрокинуть по такому случаю очередную рюмку. Однако его жена, видимо, от неожиданного заявления свёкра едва уловимо изрекла, как икнула: «Ой, Господи!» – и одёрнула муженька.

Апофеоз драматической сцены заключает в себе крики: иногда возмущения, иногда восторга. Тут, разумеется, – преобладало второе.

- И правильна!.. Что молодому, цветущему пропадать, ядрена мать!..
- Живите молодые на своё удовольствие!
- Желаем вам, на старости лет прожить остатние годочки счастливо.
- За счастье молодых!
- Ура-а! – молодым!

Начался процесс единодушного одобрения, с обниманиями и поцелуями. С выражениями благодарности молодой жене и признательности к ней за те усилия, что она потратила на излечение и ухаживание за дорогим им всем юбиляром, да ещё и с порохом в пороховнице. Так же собравшиеся узнали из уст ветеранов-фронтовиков, что судьба их уже сводила однажды, при освобождении от японцев Сахалина и Курильских островов, но не довела начатого дела до конца.

- И вот теперь она исправляет свою недоработочку!
- Грех не обмыть такое дело и не возблагодарить судьбу!
- Теперь воюйте чаще, да стреляйте пометьше!
- Глядишь, ещё япончика какого пристреляете!..

Кругленькое личико невесты порозовело от огня всеобщего внимания к ней, к ним обоим. От шуточных пожеланий.

Не смотря на положительную реакцию большей части коллектива, Зоя Гавриловна всё же уловила сдержанность Татьяны. Она была с мужем, и оба особого восторга не выражали. За сдержанными улыбками чувствовалась настороженность, возможно, осуждение. Как, впрочем, и у Вадима с Зинаидой. На лице Зины, в уголках губ, не сходила ирония, и, конечно же, не начищенная. Да и внук, Георгий, едва не порхнул от смеха. И это несколько томило новобранную.

Зоя Гавриловна, улучшив момент, во время перерыва, придержала за руку новоявленную дочку и пригласила её присесть к ней на диван. К тому моменту она сама пересела на него. Гости, закончив первый акт застолья, покинули его, кто курить, кто просто вышел на балкон подышать воздухом.

Город был в огнях, и из окон домов слышались праздничные мотивы на разные голоса, и это придавало дню рождения Никифора Павловича ещё бóльшую значимость. Лет десять назад, в честь столь значимого события в воздух летели бы ракеты, гремели бы петарды. Били бы куранты на Спасской башне, и торжественный голос диктора по телевизору поздравлял бы всю страну с великим праздником – Седьмого Ноября. И Никифор Павлович, сидел бы также за столом на почётном месте, принимал бы поздравления и от удовольствия посмеивался: надо же было так выстрелить! И уже лишь заодно это он прощал Советской власти за все её обиды и несправедливости к его семье и к нему лично. Ведь в молодые годы он, поверив в светлое завтра и призвав тёмное вчера, был вынужден стать комсомольцем, активистом. За что теперь считал себя обманутым и виноватым перед людьми, которых, выходит, тоже обманывал. Особенно перед близкими родственниками, отцом и матерью. Немало поморочил головы и своим ровесникам. Вселилась же тогда в его буйную голову хмель переустройная, колхозная, общественная. Верил в какие-то идеи, социализм. Уже после войны как будто бы приземлился, опустился на землю грешную. Хотя жила в душе какая-то не то надежда, не то симптом как застарелой болезни о прожитых бездарно годах. Но теперь времена другие, и он начинает новую жизнь и с новой страницы, с чистого листа. Тем более что есть с кем идти в это новое завтра и на кого опереться. А поддержку своей избранницы он чувствовал постоянно, как, наверное, слепой в поводыре.

Татьяна в антракте хлопотала у стола, освобождая его от посуды, бывшей в употреблении, протирала и стол от следов, оставленных по случаю. На просьбу мамочки покорно присела подле, и та заговорила. Спросила:

– Танюша, вас шокировало заявление отца?

Таня пожала плечами и ответила:

– Мы что-то в этом роде предвидели. А вы, пожалуй, поступили опрометчиво.

Зоя Гавриловна поняла озабоченность дочки Танечки.

– Жалко мне его. Он, как малое дитя. На том и держится женское сердце, на жалости. Вы-то побыли и отбыли, а он один останется.

– Ну почему же? Мы его как раз и хотели забрать с собой. Для этого и приехали.

– Не поедет, – категорично заявила мачеха. – Он никого не хочет стеснять. Да и лучше было бы, если вы обратно переберётесь сюда, к нему, к нам поближе. Вот вам двухкомнатная квартира, а он ко мне перейдёт жить.

Татьяна несколько призадумалась и сказала:

– Нет, ничего не получится. Где теперь таких денег возьмёшь на переезд? Себе дороже переезд станет.

Татьяна смотрела на отца, тот сидел в окружении двух племянниц и Милаши, жены Виктора, и принимал от них слова обожания. Милаша была в строгом одеянии, на плечах лежал черный платок, скатившийся с головы.

Зоя Гавриловна тоже смотрела в их сторону, и вздохнула с облегчением, когда услышала ответ падчерицы. Таня заметила тот вздох, но поняла его по-своему, и сказала:

– На вид он выглядит справно, но... С нами ему было бы лучше. Но вы, уж раз так всё получилось, присматривайте за ним. Если невмоготу станет, звоните, пишите, приедем и заберём.

– Не волнуйтесь. Никише у меня будет хорошо. И потом, вы не подумайте, что мне от него что-нибудь надо. У меня все есть, и квартира двухкомнатная, и машина, и два гаража. Я их дочери и внукам отписала. И пенсия у меня хорошая. Никише только что выплачивать стали фронттовую, а я давно получаю, и живу неголодно, ещё и внукам помогаю. Старший долго не мог устроиться, так, можно сказать, жил с семьей на моём содержании. И Зиночке передай, пусть не беспокоится, я уж с ним сама как-нибудь. А то уж больно они с Вадиком ко мне предвзято относятся, и к отцу строго. Успокой их, ничего мне от него не надо, я самодостаточна, ни в чём не нуждаюсь, – сказала Зоя Гавриловна с гордостью и вздохнула. – Скучно одной. Пять лет все одна и одна, не с кем даже словом переброситься. Телевизор да ты, вот и вся компания. Не кому даже стакан воды подать, когда приболеешь. Худо одинокому... – голос мачехи свибрировал.

Понять состояние одинокой женщины можно, и в Татьяне холодок к этому человеку стал оттаивать, она согласно кивнула.

– Что же, вам виднее. Может оно и к лучшему.

Зинаида брякала на кухне посудой, и Татьяна поспешила к ней – скоро гости начнут собираться на второй заход.

Перед вторым застольем Виктор подсел к мачехе и, слегка приобняв её, хмельной и весёлый, щупленький с виду, но с широкой душой, стал расточать восхищение относительно их решения, и выдавал его с таким выражением, словно высказывался от имени всей семьи и родственников. Зое Гавриловне он так же понравился за всех, и за его брата, и за сестру. Из племянниц выделить кого-либо в недоброжелательности к ней она тоже не могла, и даже наоборот, чувствовала, что весь психологический настрой идёт от этой оживленной компании, где даже Милаша, не говоря уж про её муженька, заряжалась далеко не религиозным оптимизмом.

В очередном разговоре с племянницами, и с той же Милашей, Зоя Гавриловна говорила об искренности её намерений, убеждала опять же всех в своей самодостаточности, повторяясь при этом о трудной и скучной стариковой их доле.

– Правильно, правильно!.. – вторили одна за другой племянницы, довольные, похоже, тем, что сплывили старика с рук. В надежде, полагая, что этот акт развяжет руки и его родным детям, да и стариков объединит одним душевным огоньком.

Внук Георгий ушёл к соседям, где лежала с температурой сестра Катя, она болела, и он больше не появлялся за столом.

А Никифор Павлович действительно настолько привязался к своей новой жене, что на следующий день заявил, когда за столом собрались лишь близкие люди: сын Вадим, его жена Зина; дочь Татьяна с мужем и сами виновники вчерашнего торжества, то есть молодожены, кроме Виктора с женой.

Витька со вчерашнего возлияния, дома у Татьяны (у сестры Милаши, где они всякий раз останавливаются по приезду), всё ещё лежа качает, – как сообщила Милаша по телефону.

А отец заявил следующее:

– Вы, дети мои, когда я помру, меня с Анной-то не хороните. Не надо. Или с моими родителями, или вот... – повернулся к Зое Гавриловне, – с ней. Может, даст Бог, вместе погрём.

Сын вскинул на него разом порозовевшее лицо, в глазах сверкнули искры.

– Чудите, папа...

– Нет. Это вам моё завещание.

– Ну что же... посмотрим, – насутился сын. А дочь отвернулась к окну.

Зоя Гавриловна попыталась сгладить ситуацию. Сказала:

– Ну, зачем так торопиться? Мы ж не за этим с тобой решили пожениться.

Застолья в узком кругу не получилось. Вадим и Зинаида вскоре поднялись и ушли. Татьяна с мужем пошли их провожать.

Однако родной сын Анны Николаевны, но не родной Никифору Павловичу, воспринял такое заявление отчима спокойно, когда ему передали.

Внучки Екатеринки на этом дне рождения, скорее свадьбе, не было. И далее, на встрече по поводу нового родства она тоже не присутствовала. С дедом у них мира не было и, похоже, не будет. Гошку тоже не шибко-то тянуло к молодоженам.

И так, новая семейная жизнь: новые цели и задачи. Хотя... не совсем новые и не совсем забытые. Но главное, что поняла Зоя Гавриловна, – она принята большей частью его родни, и что они за Никифора Павловича горой. Приятно было наблюдать со стороны подобную привязанность.

Теперь эта привязочка вспомнилась. Развивающиеся события заставили вспомнить. И о его родственниках, как ближних, так и дальних, и, особенно, о некоторых племянниках. Родная кровь, даже несколько ассимилированная и на расстоянии, быть может, отзовется и с пользой. А их содействие, пожалуй, сейчас будет куда как действенно, чем, нежели, законы. Только нужно этой силой умело воспользоваться, рассчитать её, – призадумалась Зоя Гавриловна.

7

Варвара Стехина жила в пригороде, на окраине, в своём доме, с тремя внуками и тоже непутевыми, как и их родители. Муж самой Вари сидел – ножичком по пьянке ткнул нечаянно зятка, и угодил прямо в сердце. Видимо, рука по привычке не дала сбой, как при заколке свиней, которых выращивал и колол сам по несколько штук в год для продажи. Дочь запилась после этого, хотя и до этой трагедии ни разу не отказывалась, и пошла вначале по рукам, потом по дворам, а позже – вообще потерялась, и остались на руках у бабушки её трое детей. Варя выкручивалась, растила внуков, держала корову, держала и поросят, тоже для рынка. Только колоть их теперь приходилось Никифору Павловичу. Дом и постройки, наверное, сильно бы порушились, если бы не опять же дядя Никифор, помогал. Приезжал и сам по-хозяйски принимался за дело: там подтешет, там прибьет что-то. В сарайке, глядишь, подчистит, пол подлатает. И племянница всегда принимала его с открытой душой, не скупясь на самогончку, на закуски и прочие виды поощрения, что взращивала на огороде, и он жила у неё днями. Особенно, после скандалов с внучкой. Когда просто хотелось уйти из дома.

– Выживает она меня, Варя. Выживает, тварина, – сетовал он на Катю.

Но тему, касающуюся отношений между ним и женой, не развивал. Обходился общими словами: побаливает, мол, ногу сломала, лежит. Катеринка с ней... А как достается самой жене и той же внучке – опускал. Выживает внучка, и всё.

А Варваре такое его положение было на руку.

Когда же появлялся дома, жене объяснял:

– У Вари завал. Коровник расщелился, поросята, язвы их, доски прогрызли. У воротец столб прогнил... Работы, не початый край. Жаль бабенку, измаялась. За Кешку адвокатам выкинула восемь тыщ, дерут же, сволочи. Заплатила, а всё равно на семерик определили. На пацанят пенсию никак не выхлопочет. Мать где? – представь документ на её скончание. А кто его даст? Какой ханыга? Запилась, поискрутилась, шалава. Ищи-свищи. Вот они, современные нравы. А ты говоришь... – при последних словах кивал на соседнюю комнату.

– Ну, ты не сравнивай, – пыталась слабо возражать Анна Николаевна.

– А! – отмахивался он категорично.

Варвару они жалели, сочувствовали ей. И отсутствие Никифора Павловича, обижавшее Анну Николаевну, сглаживалось на этой почве, становилось понятным и оправданным.

Когда разговор происходил при Кате, то та, выслушав исповедь деда, говорила:

– Ты бы о жене своей такую заботу проявлял, глядишь, и ей полегчало бы.

Вот тварь!.. И заходил в негодовании. Замахивался на неё сухим, но жилистым и ещё сильным кулаком, но пустить его по назначению тогда не решался, чего-то стеснялся. Но позже, когда стал одиноким и раскрепощённым, переступил и эту грань. Его возмущало в ней то, что как скверно она воспитана и смеет осуждать поступки старшего, и никого-то там постороннего, а деда своего. Пацанка, шмокодявка, одним словом – тварина...

Новую жену, или сожительницу Варвара восприняла, если не с восторгом, но виду не подавала. Влилась в общий хор одобрения, однако, в душе несколько насторожилась. Настораживала опаска: а как новая, да опрятная дамочка побрезгует знакомством с пригородной крестьянкой, вечно пахнувшей навозом, сеном, молоком. Молвить и то, как следует, не умеет. Забрезгует, да и перестанет отпускать дружка-муженька к ней на подворье?.. Но дамочка, оказалась неумной старушкой, непоседливой, и вскоре сама привела к ней Никишу. Привела с радушием и прибаутками. Смеясь, приговаривала:

– Ах, как я давно не была на крестьянских дворах! Как давно не видела вживьё кур, поросят, коров. Все по телевизору пасу! – смеялась она. – Варя, дашь как-нибудь подоить Пеструшку?.. Никиша, ты только посмотри, какая прелесть в огороде!

Правда, огород к тому времени был пуст, и в нём уже наметало сугробчики. Но всё же...

А когда Варвара предложила истопить баньку, у гости даже защекотало под ложечкой.

– Варюшечка-душечка, ты прелесть!

Когда новобрачная чета в очередной раз объявилась в ограде, Варвара встретила их с доброжелательностью, даже с радостью.

– О-о, кто к нам пришёл! Проходите, дорогие родственники. Проходите гости дорогие! – и стала на скорую руку собирать на стол угощение в виде: картошки, соленых огурцов, капусты, сала, и даже грибков. Ну и конечно – самогонка.

Пока женщины, оставшись в доме одни, мыли не только посуду, но и чьи-то косточки, Никифор Павлович, не теряя время, постукивал во дворе, занимался по привычке родным крестьянским делом: что-то прилаживал, прибывал, подтесывал. Он бы, наверное, всякую работу по хозяйству мог делать с закрытыми глазами, даже в беспамятстве. Руки помнили.

За столом Варя сообщила радостную весть:

– Кешку, пишет он, через год должны выпустить. За хорошее поведение и ударный труд. Он там за бригадира.

– Сколько он уже отсидел?

– Пять лет.

Весть действительно не рядовая, и за неё выпили. Потом Варя посетовала:

– Старший внук к наркотикам пристрастился. Мак заставляют садить. Боюсь.

– Сейчас лечат от наркомании, – попыталась успокоить Зоя Гавриловна. И как будто бы ей это удалось.

Выпили за выздоровление внука. Варвара всхлипнула:

– Кровососы... Всю-то они кровушку высосали... Всю-то мне жисть отравили...

– Это уж точно, – опять участливо поддержала Зоя Гавриловна. – У Ника тоже не лучше. Послал же бог внученьку Екатеринушку...

И затянулся разговор на весь вечер. Они, сочувствуя друг другу, жаловались на свою неустроенную старость – Варваре тоже было под семьдесят. Жаловались на детей, внуков, в купе досталось и законам и их сочинителям, властям и правителям.

– И что это за законы? – восклицала уже Варя. – Мало ли что она была в квартире прописана. А куда теперь вам на старости лет деваться? Мыкаться по чужим углам? Дожили, слава те...

Зерно сочувствие было заронено в измученную душу племянницы. Она не раз битая судьбой, мужем, теперь и внуком, с болью и пониманием восприняла положение дядюшки, а теперь ещё и с тетушкой. Только забыла она, расслабленная от сочувствия и слёз, поинтересоваться: какая же такая нужда, острая необходимость заставила тётушку продать свою разблагоустроенную квартиру?..

Домой чета вернулась довольной, а Никиша под изрядным хмельком.

Но Варвара Варварой, женщина в годах и недостаточно подвижная, вернее, связанная по рукам детьми непутевыми, хозяйством, заботами. Но пробное зернышко было, что называется, брошено на благодатную крестьянскую почву. И удачно. Пора засеивать ими более широкие поля.

– Завтра к Малаше ходим, – сказала Зоя Гавриловна.

– Хорошо, Зоя. Как скажешь.

8

На следующий день направились к Маланье Федурцевой, и застали дома. Она только что вернулась из магазина, с «утренней прогулки», – как она называла подобные отлучки из дома. Жила она одна в двухкомнатной квартире, на пенсии. Жила на старости лет в полном довольствии, и для себя. Одно лишь её порой донимало – это скука. Но и с ней она нашла метод профилактики, – уходила к дочери, когда позабавиться с внуками, когда «попить» кровь из их родителей. А больше придавалась телевизору. Хвала и почтение его создателям! Сколько он сохранил нервов, спас жизней, оградил от тещ и свекровей... А скольким раскрыл кругозор и поднял интеллект до уровня политического обозревателя?.. Теперь, почитай, ни одно застолье не возможно без этого равноправного члена домашнего коллектива. Ни один шкаф, поди, не раз потемнел от зависти к этому квадратному идолу. Мало быть большим, вместительным, надо быть шумовоспроизводящим (но не скрипучим), говорящим, с проволочками, с дорожками и с микросхемами внутри, а не напичканным дорогими платьями, рубашками, даже шубами. Заменяющий человеку сон, тепло, холод, порой – разум, и позволяющий жить в зазеркалье. И Маланья Федурцева была на гребне всей кипучей жизни страны, понимала всё с полуслова диктора, с полувгляда репортера. В момент ориентировалась в политических и житейских перипетиях. Оттого была категорична в оценках её не устраивающих. Это была женщина шестидесяти лет, среднего роста, полногрудая, солидная, с широким розовощеким лицом. Её масса, как и слова, подавляли своим весом.

Маланью не пришлось тянуть за язык. Она сама начала разговор о жизни стариков.

– Ну, как вы там поживаете? Наверно к Никифору Павловичу перебрались, у него живёте?

– Ага, как бы не так, – выдохнул Никифор Павлович, после рюмки и потянулся вилкой за колечком копченой колбаски. – Поживёшь тут...

О том, что Зоя Гавриловна свою квартиру продала, и старики вознамеривались жить на жилплощади дядюшки, Маланья знала.

– И что за причина? – насторожилась племянница.

– Так Катька, плутовка, нарисовалась. И не одна, с девчёнчишкой, с правнучкой, – криво усмехнулся он.

– Ну и?..

– Да попробуй её теперь сковырни! Сдуру, по молодости, прописали к себе, даже удочерить хотели. Просили Таньку тогда отдать Катьку нам, в ордер даже вписал. Эх-хе... А теперь их аж две. Мать одиночка, и все права на её стороне, только моих нет. Попробуй, возьми их, выковырни из квартиры. Никаких денег не хватит, и даже блата с тем же мэром города, с самим губернатором.

Маланья осуждающе покачала головою, глядя на дядюшку с тетушкой.

– Вот ведь как! Жил, трудился, зарабатывал квартиру и в ней не хозяин. Приватизирована хоть квартира?

– Да нет. Раньше вроде бы как не было нужды. Да и некому было надоумить. Зоя вот подсказала, – кинул благостный взгляд на сожительницу. – А теперь внучечка на дыбки. Че делать, ума не приложу?

– Хотя бы вы, родственники, как-то на них подействовали, на Катерину и на её родителей. Может у них совесть пробудится, одёрнут дочку, к себе заберут, – подсказала Зоя Гавриловна.

– Да что же это такое? – загорячилась племянница. – Вы Виктору, Вадиму звонили, разговаривали с ними?

– Да нет пока, – ответил дядюшка, потянувшись за бутылкой водки, чтобы подлить себе и женщинам в рюмки. Зоя Гавриловна свою рюмку прикрыла ладонью: достаточно... – Вадьке пытался как-то намекнуть прямо в лоб. Так он и разговаривать не стал, отмахнулся. Он вообще у нас обособленный. Женился, не спросился, взял на тринадцать лет старше себя бабушку. Всё сам. Всё по-своему. Злитесь на меня за что-то. А тут мать померла, тоже будто я виноват. Живём, как чужие. Витька попроще, поумней. Хотя и не моих кровей, а моя в нём закуска, моя. Попиват только лишка.

– Пьяный проспится, дурак никогда, – вставила Зоя Гавриловна.

– Это точно, – согласился Никифор Павлович и пошутил: – По себе знаю.

На что Маланья добродушно посмеялась, а старушка, вздернув крылышком брови, утвердительно кивнула.

Никифор Павлович содержимое из рюмки опрокинул себе в рот.

– Ну, так свяжитесь с ним, – сказала племянница.

– Так теперь как? Ик! – икнул дядюшка после выпитого и приложил ко рту кусок хлеба. – Из дома звонить – она там. А Зоина квартира уже продана. По всякому пустяку – ик! – на почтайт не набегаетесь?

– Ну да это дело мы сейчас поправим.

Маланья встала из-за стола и прошла в спальню. Оттуда вернулась, неся в руках белый, как мраморный, с позолоченными набалдашниками телефон на высоких рычагах. Поправляя шнур, поставила его на стол перед собой.

– Какой у него номер? Но сначала код города. У него же Красноярский край?

Никифор Павлович достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку, а из бокового – зелёный пластмассовый футляр для очков. Вооружил глаза.

Разговор с Виктором был самый радушный. Он, оказывается, – по секрету сообщил, – тоже сидел за столом:

– Пока моей богомолки нет, на своём иеговистском собрании, свои или мои грехи отмаливает, расслабляюсь...

Поняв суть дела с третьего раза, Витёк тоже нашёл в действиях его племянницы нечто предосудительное, и загорелся гневом праведным.

– Я ей сейчас позвоню (Катерине), и до них дозвонюсь (до её родителей). Совсем их дочка распоясалась. Ишь – ик! – распустили! Что за дела?..

Следующие звонки Маланья сделала к другим близживущим родственникам, в областной центр, своим двоюродным сестрёнкам, которым с таким же воодушевлением расписала всю неприглядную картину жизни дядюшки и тетушки. Старики в её сообщении представляли, как обездоленные, никому ненужными, обиженными, лишёнными собственного крова люди. И по обратной связи получала понимание, сочувствие и осуждение, что, безусловно, ободряло присутствующих за воскресным Маланьиным столом. Никиша сидел довольный, а Зочка подбадривающе подмигивала ему, и розочка на её груди матово серебрилась.

И, наконец, Маланья дозвонилась до Вадима. Но вместо него трубку сняла Зинаида, его жена. После двух-трех слов приветствия Маланья взяла с места в карьер, и стала своего двоюродного брата (сына дядюшки) попрекать в бездушии и в бездействии, в неуважении к своему отцу. Но... нарвалась на женщину, которую хоть и знавала когда-то по совместной работе, но не знала кое-каких подробностей всей предыстории, что несколько меняли ситуацию в отношениях между дедом и внучкой.

Невестка ответила вопросом на вопрос:

– А ты, куда бы пошла с больным ребёнком? По соседям или по подвалам?... – и минут пять потратила на разъяснения.

Маланья, несколько сбита с толку, положила трубку. И сказала в смятении:

– Так у Кати ребенок-то больной? У её девочки что, действительно порок сердца?

– А! Слушай ты их, Малаша. Совершенно нормальная пацанка. Носится, как заводная. В жопёнке будто шило сидит. Пор-рок. С пороком так не вертятся, – дядюшка начал хмелеть. – Две операции назначались и обе не состоялись. Спроста что ли? Понасобирала разных справочек, огородилась...

Объяснения и личный диагноз дядюшки Малашу несколько успокоил. Да ещё тетушка добавила:

– У моих знакомых мальчик был с пороком, так тот до операции, как вот эта вот шторка, – кивнула на свисающие шелковые шторы на окнах, – голубенький ходил. Ходил, едва ножки носили. А эта – кровь с молоком. Смеётся, кричит, визжит и бежит, любого взрослого обгонит. Нормальный, жизнерадостный ребёнок.

В Маланье Федурцевой вновь возгорелось пламя негодования, языки этого огня: сочувствие и справедливости к старикам, – стали жечь изнутри, растекаться зудом по организму.

– Ну, ничего, – заговорила она, – ей этот фокус не пройдёт. Не пройдёт. Ишь, на чём спекулируют! Мы своего дядюшку в обиду не дадим. На её хитромудрость мы свои хитрости придумаем. Тоже мне, нашлась лиса Патрикеевна. Мы на неё своего Петушка напустим. Найдём, каким образом. И чтоб закон на нашу сторону перетянуть. Только подумать надо. Одна голова хорошо, а две, даже три лучше.

И они задумались. Пустились в обсуждения, в прения, при которых вскоре нашли тот самый верный выход из создавшегося положения. Составили план действий. Правда, тут понадобятся кое-какое техническое обеспечение, но эту задачу Зоя Гавриловна взяла на себя, – внук поможет.

9

За две недели отсутствия деда, Катя с Веснянкой прошла всю врачебно-медицинскую комиссию. Сроки операции были намечены на начало декабря. Но, чтобы конкретно уточнить день и кое-какие формальности при поступлении в отделение, нужно было самой с этим направлением съездить в областной кардиологический центр. Оставив дочь с тетей Зиной, Катя уехала с самой ранней электричкой. Оказалось – всё в порядке, только срок был изменён на март месяц. Конкретный день будет сообщён в детскую поликлинику по месту жительства. («Звоните туда, интересуйтесь».) Во второй половине дня Катя возвращалась назад так же на электричке. Час езды, время, за которое было о чём поразмыслить и что повспоминать.

...Когда вернулась с Веснянкой к деду, надеялась, правда, слабой была та надежда, что дед переменится. Увидит правнучку, и что-то в его сознании стронется. Девочка получилась доброжелательной, общительной и подвижной, как ртуть – вся в движении. Дома ещё можно поймать и усмирить, на улице же – хоть на поводке выводи. Любознательная, увлекающаяся и от этих, казалось бы, положительных качеств с ней прямо беда. Смех и грех, одновременно. Собака – за собакой бежит. Кошка – за кошкой, пусть даже та на дерево вскарабкается. Тоже пытается влезть, и верещит на весь двор. За птицами гоняется с визгом. Как себя не оглушит? За детскими колясками, в которых мамочки катают своих деток, бежит. Вместе с мамами их катает и качает. И очень праведная. Если ребята во дворе что-то делают, да не так, как надо, по её мнению, обязательно начинает поучать, объяснять, как надо делать – то, а как – это. И – невзирая на возраст. Старшие смеются (она сердится), а младшие ровесники слушают.

Прадеда своего и того поучает. Не дал мультфильм досмотреть, переключил телевизор на другую программу, на те же «Вести», встанет перед ним и, жестикулируя ручками, а то и, грозя пальчиком, картавя, начинает выражать несогласие. Говорит, вначале надо мультик досмотреть, потом «Ветти» – «с» ещё плохо выговаривает. Другой бы, наверное, посмеялся, пошутил бы, а деда Никифора на такие порядки охватывает возмущение.

– Ещё эта мне указывать будет? Убери её с глаз моих!

За всё время, почти за год их совместного проживания, ни разу даже мороженное ребенку не купил, не говоря уж об игрушках и других малостях.

Раньше дедушка Никифор был, как помнится, добрым, хотя и требовательным. Был шутлив, но категоричен в оценках поведения, как своего, так и окружающих. Учил внучку Екатеринку быть честной, рассудительной, не стеснялся говорить правду. С детства она усвоила его правила, и поступала так, как ей подсказывало его воспитание. Ещё в школе у неё возникали трения со сверстниками, поскольку не всякий мог снести прямолинейного о себе мнения.

Это ей больше мешало в жизни, чем помогало. То ли время сильно изменилось, почти на столетие шагнуло вперед; то ли люди изменились, моральный ценз в них понизился настолько же лет, но, так или иначе, а Катя оказалась на этом поле выступающим предметом, на который натыкались житейские ветра. И этот уступ в характере постепенно твердел, закалялся и становился основой жизни, стержнем. В детстве она часто болела простудными заболеваниями и не могла по этой причине посещать садик, школу, а потому оставалась дома. Катеньку отводили к бабушке и дедушке, и там она находилась, бывало, с утра до вечера. Катю любили, но, однако, не до безрассудства.

Дед Никифор излишнее баловство пресекал. И «тесал» характер внучки по своему образцу и подобию. И это ему удалось, девочка была упряма, бескомпромиссна и прямолинейна в суждениях. Потом произошёл перерыв в их отношениях, родители внучки Катринки и внука Гошани (Георгия) переехали и очень далеко. Как шутил дед Никифор:

– Совсем рядом. Всего-то три лаптя по карте.

А поскольку братишка ещё не знал, что собой представляет лапоть, да и она лишь по картинкам, то переделали его выражение по-своему: «Три локтя по карте». То есть, если представить школьную карту СССР на классной доске и на ней отложить три раза ту длину, что от пальцев до локтя, то сложится как раз то расстояние, на которое они уехали от дедов. И это измерение почти точь-в-точь укладывалось в этот отрезок на карте, равный шести тысячам километров. Их отношения прервало не только расстояния, но и время и довольно продолжительное, на три-четыре года, за которое характеры у обоих менялись с учетом особенностей пола и возраста, и даже из-за задиачной принадлежности каждого. Но общее в них что-то сохранилось.

Изредка, в год или два года раз, дедушка с бабушкой преодолевали премудрое расстояние на «скором» поезде и проводывали своих детей и внуков, но это были эпизодические встречи, от которых в душах старых и малых оставались лишь радужные воспоминания.

Но вот дети подросли. Катя окончила среднюю школу, и стала работать на электроламповый завод, где тут же поступила в техникум, выбрав отделение по профилю своей работы. Гошаня, после восьми классов, поступил учиться в ПТУ, где продолжил среднее образование и осваивал сразу две специальности: автослесаря и водителя автомобильного транспорта. Пошёл по стопам деда, чему тот был рад. Но вскоре началась не то – перестройка, не то – расстройка, и «Лампочка» лопнула, обанкротилась.

Многим, в том числе и Кате, пришлось искать работу, и там, где придётся. Даже какое-то время пришлось помотаться коробейниками, с тюками, с барахлишком. Но, за что бы они ни брались (после демобилизации из Армии к ней подключился и брат), у них ничего путного из этих начинаний не получалось. Надо хорошо знать спрос на вещи там, где в них нуждаются, изучать этот рынок сбыта. Им же такую связь по неопытности установить не удавалось и потому они, если не прогорали, но и не зарабатывали. Только себя вымаивали.

В конце концов, переехали на малую родину, где родились, и остановились у стариков. Собственно, по их же приглашению. Тут комбинат, заводы, – хоть они и приостановлены, но в многолюдном городе всё равно работу найти можно. Гошаня устроился шофёром в УВКа, не без помощи деда Никифора. Вскоре женился, опередив сестру в этом деле на два с половиной года, то есть на их возрастную разницу, видимо, побоявшись перезреть. А, женившись, перешёл жить в примки. Катя осталась коротать жизнь возле стариков.

После оседлости и работы на одном месте, жизнь, казалось, повернулась к Кате прекрасной своей стороной, спокойной, входящей в какие-то нормальные рамки бытия. Это ли не подарок судьбы? Кто не познал пустые хлопоты, тому не познать и радости покоя. А тут ещё встретился Алексей. Красивый, стройный, деликатный, галантный... Ох, сколько угодно можно было подобрать синонимов к его достоинствам, которые, как оказалось, скрывали немало недостатков, как кудрявый мох топи.

Это, к сожалению, оказался не королевич Елисей, которого Катя полюбила ещё в детстве по сказкам Пушкина. Но реальная любовь на много прозаичнее, она слепа и доверчива и потому оставляет после себя не только угли разочарования и сожаления, но и более ощутимые следы, то есть последствия. Из боязни осуждения и признания старика она постаралась избавиться от этих последствий. И не удачно. На целых пять лет лишила себя материнства. Боялась, что вообще уже не будет иметь такого счастливого состояния. И постепенно, невольно, в её душе поселился к старику холодок отчуждения, который впоследствии при его (вольном и невольном) содействии всё больше твердел, намерзал и разрастался.

С Алексеем отношения складывались, и они стали жить гражданским браком. «Какая разница, каким браком жить, правда ведь? – спрашивала она себя. – Если суждено жить, будем жить. Нет, так и не привяжешь...» Но квартиру снять и жить отдельной семьёй, было не на что, и они прижились у стариков. К счастью те, начиная с ранней весны до поздней

осени, жили на даче, или, как последнее время – после мексиканского сериала «Изаура» – модно стали называть: на фазенде. А себя – навеличивать фазендеерами, или по-стариковски – фазендёрами. Только горбатели на этих фазендах сами.

Катя работала на «чапика» (частного предпринимателя) в киоске, поэтому жили и тужили на одну её зарплату. Алексей же на какой-либо завод или на комбинат устроиться не мог, а подрядиться к какому-нибудь частнику, считал ниже своего достоинства. Поэтому сидел больше дома, или же слонялся по городу с такими же, как он, лицами без определенного рода занятий, ища приключения. И однажды – потерялся. После очередного скандала с дедом.

Дед Никифор время от времени навещался домой. Приезжал за пенсией или же за какими-нибудь продуктами. Приезжал и как всегда некстати. И заставлял в квартире любимую внучку в одной постели, вернее, на широком диване, – слава богу, не на их кроватях! – с молодым человеком, с легкой небритостью на лице. И обойму бутылок из-под пива, а то и вина на полу.

Что такое гражданский брак? – дед понимал. Этот подменный термин открыто вошёл в обиход совсем недавно, и был придуман людьми определенного поведения, для оправдания их беспутной жизни. Гражданский брак – это тот, в котором он с Анной состоит, его дети и тот же Гошка. То есть отношения, скреплённые государственным учреждением: ЗАКСом, или местным органом самоуправления – поссоветом, сельсоветом. Всё остальное – от лукавого. И потому давал этому «браку» свою оценку, и не двусмысленную. Сверкнув взбешёнными глазами, он косил головой на бок, бычился, лицо начинало то темнеть, то бледнеть, менять цвет, как хамелеон на тепловой режим. И говорить начинал с побряхтывания.

– Та-ак, кхе... Так, кхе-кхе... Это ж как же ж вашу мать... понимать? А? Кхе-кхе...

Катя подхватывалась с дивана, накидывала на гибкое тело халатик, запахивала борта и, уже повязываясь пояском, поворачивалась к нему, смущенная и виноватая.

– Деда... ну куда нам деваться?

– Регистрируйтесь и живите, как все нормальные люди.

– Что она даёт, эта регистрация? Штмпик в паспорте?

– Ты мне покажи этот штмпик, а потом узнаешь, что он даёт.

– Квартиру, машину, дачу?..

– Может и квартиру, может и дачу.

– Ага. Держи карман пошире.

– А сейчас, чё держишь пошире?...

Алексей не ввязывался в перепалку. В знак приветствия кивал деду головой и, молча, одевался. Смотрел с ухмылочкой со своего почти двухметрового роста на дедушку, как на взъерошенного воробышка, и уходил, не прощаясь. Уходил, деликатно предоставляя проведение дипломатической дискуссии родственным сторонам. Так, однажды, и ушёл. Исчез. Она пыталась разыскать его. Звонила родственникам, друзьям, и получала в ответ информацию, от которой, кажется, готова была сама стать спящей красавицей, уйти в мир иной и там качаться в хрустальном гробике до появления сказочного царевича Елисея, романтический образ из детства. Алексей же, Алешенька, дружек, отбыл молча, по-английски, не попрощавшись, как видимо, из того же достоинства. Но память он о себе оставил, штмпик на всю оставшуюся жизнь и не только в душе. Вскоре она почувствовала, что беременная. И растерялась.

Беременность – нормальное физиологическое явление в супружеской семье. Его ждут, ему радуются, испытывают счастье. Но это в случае, когда совместная жизнь четы гармонична и протекает по заведенному природой кругу. Когда же в этой орбите оказывается кто-то и одна, без надежного друга, от которого всегда вправе ожидать поддержку, понимание, то

голова в той круговерти невольно закружится, заболит, если не свихнется от растерянности, а тем более – впервые. А бояться было чего.

Во-первых, моральный аспект. Как с этим делом, что вырастает спереди верблюжьим горбом, показаться на люди? И чем его оправдать, обосновать?.. Вот когда приходит понимание важности той пресловутой в паспорте печати, которая необходима, возможно, даже не девушке, а дедушке. И этим самым людям, от родственников до знакомых. Но перед дедом?.. – это было определяющим. Ведь он, как в воду смотрел. А как она хотела быть правой, выглядеть самостоятельной. Доказать ему нечто своё, где умещались бы принципы, поступки, призрение к старым понятиям о жизни. В конце концов, из юношеского максимализма хотела переломить его старческий эгоизм, который она начинала называть маразмом. По шуточному определению Алексея.

Во-вторых, бытовая неустроенность: как жить, на что жить, где жить?.. Работа непостоянная, она даже не оформлена на ней, завтра же может быть уволена и притом без выходного пособия. Это ранешние времена, когда производство выплачивало подъёмные да подсобные, предоставляло отпуска до родовые и после родовые, и государство чего-то там гарантировало для матерей-одиночек. Сейчас, на стыке двух столетий, о таких гарантиях можно лишь только мечтать. Нет, гарантии как будто бы имеются, и законы как будто бы под них есть, да нет гарантов, гарантирующих их исполнение. Как жить, на что жить, где жить?.. А после таких вопросов невольно встанет вопрос жизни и смерти – нечаянно зачатой жизни. И нет надежного дружка, того, кто б мог поддержать, вопросы упростить и ответы подсказать. Все же остальные люди, даже близкие по крови, – люди далекие от ситуации. У всех у них искать тот правильный единственный совет всё равно, что в воздухе поймать молекулу ладонью.

С бабушкой заговорить на эту тему тоже не решалась. В её положении да нагружать такими заботами, посчитала бесчеловечно. Мать с отцом были за «три локтя по карте», и искать поддержку у них – провода раскалишь на телеграфе или почту перегрузишь письмами. Да и обрадует ли их нежный подарок дочери? Тем более время поджимало. А от милого дружка нет ни писем, ни слуха. И она приняла такое же самостоятельное решение, с каким решила на гражданский брак с любимым человеком. И напрасно... Надо было, не взирая ни на что, сохранить свою первую беременность, своё первое и (как думалось позже) последнее чувство материнства. Сделала аборт, будучи уже с большим сроком. И в том была не малая заслуга дедушки Никифора.

Дед же в своей неумной подозрительности, упёртой принципиальности продолжал доносить. То ему не нравилось, что Катя жила с Алексеем, потом, когда она осталась одна, негодовал, когда не заставлял её дома, а она должна быть дома, время уж к полночи, а то и за полночь. А если заставлял, да с подружками, случалось, и с компанией ребят, и слегка подвыпившими, он не затевал скандал сразу, но это не означало, что он упустит момент. Его взгляды были, что газ из газового баллончика – едучие, слепящие, болезненно ранящие. Когда сознание обострено, оно болезненно реагирует даже на случайный взгляд, как осиновый листочек на легкое дуновение ветерка. И эти взгляды, подкрепленные то ли обидным словом, то ли жестом, тем же наклоном головы, в Катеринином сознании фиксировались не иначе, как укором, издевкой, и вызывали в ответ ожесточение и выливались в грубость. Дед же считал себя обязанным за дальнейшую судьбу внучки, и потому был по отношению к ней жестковат, а то и чрезмерно.

Она же этого тогда не понимала. Считала, что она вполне самостоятельный человек, ответственный только перед собой и не желала, чтобы кто-нибудь, даже близкие люди, вторгались в её личную жизнь. В этом и состоят противоречия поколений. У одних есть опыт и моральные обязательства, у других нет опыта, но амбиций и моральных прав хоть отбавляй. А нагрянувшие с перестройкой свободы их увеличили в неограниченном количестве.

Но дед Никифор, видимо, полагал, что как-то сможет их ограничить, и на конкретном примере. Но не учёл характер им же воспитанный. В Кате всякое ограничение вызывало протест, а то и взрыв.

Позднее, она сознавала, что была в чём-то не права, или даже права, да надо было всё же сдерживаться, смолчать где-то, но не могла, и причина этой несдержанности была уже почти не объяснима. Лишь тогда сглаживались их отношения, когда старики на зиму переезжали жить домой. Внучка была на глазах, и вела себя пристойно, по-семейному. Старалась старикам не создавать лишних хлопот, опускалась до снисхождения отпрашиваться или же предупреждать о своих задержках по вечерам. Летом же опять повторялась прежняя, вольная, неподконтрольная жизнь. И так из года в год.

В действительности Катя любила стариков. Но если бабушке Анне Николаевне внучка была открытой, и ей понятной, и меж ними было полное взаимопонимание, то к Никифору Павловичу отношения варьировали от одной крайности до другой: то наступала светлая полоса, солнечная, и тогда отчего-то даже трогательнее были эти отношения. В такой момент его хотелось приласкать, прижаться к нему, даже поплакаться на его плече теми, по-детски счастливыми, слезами, когда даже нет причины для них, но есть участие, доброе сердце любимого дедушки.

Ведь были же такие минуты раньше!.. Всё бы за них сейчас отдала, чтобы вернуть то счастливое время. И она не раз шла ему на встречу и именно с такими чувствами. И на какое-то время у них восстанавливался лад, душевное единение, и тогда жизнь воспринималась легче, комфортнее. Даже скрипучий диван, казалось, становился музыкальнее и мягче. Но, к сожалению, эта идиллия была хрупкой, недолгой, за ней витала, как тень, напряженность, за которой вот-вот может грянуть гром. И он не заставлял себя долго ждать. Для этого стоило раз-другой прийти домой поздно, да, не дай Бог, с запахом вина, прилипшего в гостях у подруги или у друзей, и на утро, а то и с ночи начинался слабый бриз, предвестник шторма.

В начале шли упрёки, на них Катя отвечала безобидными репликами, стараясь разговор перевести на шутку. Но, чувствуя, что это не помогает, уходила в ванную и там продолжительное время принимала душ, или лежала в воде в ванне, читала, дремала. Потом выходила и бросалась в объятия старого скрипуна. Но если диван, приняв в своё ложе девушку, успокаивался, то для старого Скорпиона, похоже, этот скрип становился сигналом. Он долго лежал на своей кровати, кряхтел, шуршал газетой, хотя давно уже не читал их. Анна Николаевна тоже вздыхала, и время от времени уговаривала:

– Успокойся, Никифор. Чего заводишься? Девочке что теперь, взаперти сидеть?

Они говорили не громко, однако через закрытую дверь, слышался их разговор. И ночь, слава бабушке, проходила более-менее спокойно. Ежели девочке урок был не впрок, и поздние возвращения с прогулок вновь повторялись, то у бабушки не сразу находились успокаивающие слова для дедушки, – он разряжался на внучке по полной программе, называя её такими терминами, от которых глаза расширяются, уши краснеют. И преобладающим среди них было одно, ставшее едва ли не любимым ещё при жизни бабушки словцо – тварина.

Тут уж и Катерина откапывала «топор войны», и дедушке тоже приходилось выкатывать бельма из глазниц от удивления и, возможно, от восхищения, поскольку сленг современной молодежи стал намного живописней. И тогда наступала чёрная полоса в её жизни. Когда на день-другой, когда на долгие недели. Мирила их опять же бабушка. Находила в дедушке потаенные точки в его характере, воздействовала на них, и они постепенно размягчали в нём закаменевшее сердце. Во внучке же она их хорошо знала, и добрым словом быстро восстанавливала в ней дух миролюбия. Она любила Катю, сочувствовала ей, и ещё за то, что у той личная жизнь как-то не складывается, а годочки уходят, и уже третий десяток подкатывает к своему зениту. Это хоть и не предел, но всё же...

Но объединила их, деда и внуку, беда. Беда, навалившаяся на Анну Николаевну. Бабушка катастрофически начала слепнуть. Сын Вадим на своём «жигулёнке» свозил её в областной центр МНТК. На диагностику нашлись средства, на операцию сразу нет. В МНТК поставили на очередь, на осень.

Этот срок удовлетворял всех: к этому времени поднакопят совместными усилиями денежки, и к празднику, к дедушкиному дню рождения, она выйдет к столу вполне здоровой, величавой, как это у неё когда-то получалось, и за праздничным столом споёт своим красивым сочным голосом его любимую песню – «По диким степям Забайкалья». Бог ей дал голос от природы. Она в молодости пела в капеллах и приглашалась в Народные хоры, и даже выступила с небольшой, но перспективной сольной программой. Дед заревновал невесту к чему или к кому, и ей пришлось пожертвовать талантом.

Однако операцию пришлось отложить, Анна Николаевна сломала ногу. Со спальни добиралась на ощупь до кухни и упала. Ковровая дорожка ли оказалась скользкой, в час неладный черти смазали, или же ветром край приподняло, тоже в час недобрый напахнул, и Анна Николаевна упала на ней.

Дед осерчал на бабушку и, похоже, очень. Такого подарка на свой праздник он никак не ожидал. Да и родственники тоже. Но для бабушки столь неуклюжее па, стало, видимо, невыносимым, и оттого он почти неделю не появлялся дома, жил на даче. Вся забота и хлопоты о больной легли на руки внуки. Когда она была дома, была и бабушка при догляде. Когда на работе, то старалась максимально подготовить для неё всё, что той будет необходимо в течение долгих двенадцати часов.

Ларёк работал круглосуточно, поэтому продавщицы, Катя и её напарница, иногда их подменял хозяин для предоставления выходных, и то не частых, им приходилось работать по полусуткам. За столь продолжительное время девушки выматывались в этом металлическом «курятнике» – летом от жары и духоты, зимой от холода.

С работы Катя приходила и принималась за работу по дому: убирать за бабушкой, стирать, готовить еду, кормить – Анна Николаевна из-за глаукомы ослепла совсем. И так изо дня в день. Только появление деда немного ослабляло напряжение и внуке удавалось передохнуть, тут можно было выкроить время на личную жизнь, уделить его друзьям, сходить на какой-нибудь вечер, на чье-нибудь выступление из заезжих артистов. Да и так, хоть от души отоспаться. Но бабушка не так часто радовал своим посещением, и после его отъезда вновь наступали дни и ночи напряженных буден.

Но, она-то ладно. А вот каково было бабушке? Катя чувствовала: бабушка за огородными делами прячется. Прячет своё охладевшее, если не сказать – холодное сердце. И когда случалось оставаться им одним, на той же кухне, она выговаривала ему.

– Ты б, дед, почаще домой наведывался. Анна Николаевна всё одна и одна.

– А там я на кого всё брошу? Заяц что ли придёт поливать, полоть? Ага, прополет он.

– Заяц, хм... Поди, зайчиха какая завелась?

И дед заводился.

– Какая зайчиха? Какая зайчиха?!. Вот придумала! Да я... Приедь, да посмотри, чем я там занимаюсь. Вот негодница! По себе меня меришь? Где он, твой корольчик Елисей?

То, что дед может быть способным на какие-то мероприятия, связанные с сексуальными отношениями, Катя себе не допускала и в мыслях. До пятидесяти, ну от силы до шестидесяти лет, возможно, бывают индивидуумы. Раз Бог награждает отдельных людей каким-либо даром, то почему бы и не долголетними потенциальными возможностями в этом смысле? Но чтобы в семьдесят – это в её сознании не укладывалось. Нет, в литературе, в том числе и художественной, ей встречались примеры, взять, хотя бы пример с писателем Гёте, отец которого произвёл его на свет, когда тому было за семьдесят, но за своим дедом она

такого таланта просто не допускала. Не тянул он в её представлении на неординарную личность. Но ей нравилась реакция деда, и она, над ним потешаясь, разыгрывала его.

– Ну-ну, говори-говори... Тетке Полине достроил сарай, али она уже на дом замахнулась? Бабуле, Анне Николаевне, вон, позванивают доброжелатели. Дескать, побегиваешь к ней, по-соседски...

– Мне тоже позванивают, где ты и с кем шландыешь. Так што, теперь тебя на цепи держать?

– Что меня держать? Я вольная птица. А вот ты прижал бы хвостик-то, пока совсем не отпал, – посмеивалась она.

– Ну!.. Ну, Катюха! Ну, бесстыдница!

– Что бесстыдница? Больше бы дома находился, за бабушкой доглядывал.

– А тама-ка кто? – вновь заводился он. – Живо всё растянут-растащут. Сейчас у людей совести никакой не стало.

– Да и у нас поменяло...

И дед исчезал на неделю, а то и дольше.

Дача находилась от города за сорок пять километров за селом Большая Елань, куда автобус ходил два раза в день: утром и вечером. Когда Никифор Павлович видел, глаза не подводили, он ездил на своём стареньком «москвиче». Потом перешёл на коммунальное обслуживание. Благо, что дачный посёлок был от их предприятия, и ветеранов оно обслуживало бесплатно. А не то, при таких ценах на билеты, никакой пенсии не хватило бы, себе дорожке обходилась бы эта дачка. На других участках, сказывают, люди уже побросали свои «фазенды», фазендёры обанкротились. Никифор Павлович же не мыслил своего существования без земли. Когда, как не теперь, на старости лет, целиком ей отдаваться? И всякие проволочки, отвлекающие его от любимого дела, от земли, томили, злили его.

Катя этого не понимала.

10

Катя к деду вернулась по трём причинам. Если не считать четвертую – ностальгию. Но последняя для молодого человека не всегда может стать определяющей. Однако первые три были существенными и важными, даже жизненно необходимыми.

Первая – из-за квартиры. Как бы там не было, а жильё в нашей жизни главная необходимость. Оно притягивает к себе, вяжет по рукам и ногам, но в то же время и развязывает их, когда оно есть и в нужном месте. Вокруг жилья разгораются страсти, склоки и непримиримый антагонизм между родственниками, а порой и трагедии. Двухкомнатная квартира привязывала к себе и Екатерину, и крепко. Теперь же особенно, когда беспокойство охватывает не только за себя одну, но и за дочь. Потом она в ней прописана с детства, детство, считай, и прошло в ней. Перерыв в пять-шесть лет можно опустить, поскольку она этот срок компенсировала и с лихвой, живя последующие десять со стариками. Это тоже, без приговора каторга. Да ещё с дедушкой Никифором Палычем.

И всё же, за все злоключения по его ли вине, по её ли, она к нему отчуждения не испытывала, в Катиной душе по-прежнему теплился огонёк любви к нему. Мало ли чего в семье не бывает, – а их совместное проживание она иначе не воспринимала как семья, – и шум и гам, теперь всё любо нам. Призабылись обиды. Теперь, став матерью, в ней тоже произошли кое-какие перемены. Сместились кое-какие понятия, принципы, следовательно, и произошло понимание отдельных моментов жизни, за которые не раз дед «промыывал ей мозги». Да плохо, наверное. А тогда – до печёнок доставал.

Теперь она изменилась. Теперь она к нему со всем пониманием. Или почти, со всем. И с искренним дочерним (не скажешь же: внучекинским, или внучачьим?) сочувствием. И после того, как он сообщил по телефону своей дочери, то есть Катиным родителям, у которых она жила после рождения Веснянки, что стал терять сознание, и однажды упал и разбил голову об батарею комнатного отопления, она поняла – пора ехать. Наскучила, как можно было уловить меж слов, дедушке жизнь одинокая, неприкаянная. Пришла их (её) пара за ним ухаживать. Но на приглашение переехать к ним, к дочери, даже на отдельную жилплощадь, которую можно было подобрать ему здесь на деньги за его квартиру, если её продать, он ответил категорическим отказом. Слагался на прах предков и прочих любимых родственников, что покоятся на погосте за городом, под деревней Биликтуй.

– Приезжайте-ка, лучше вы ко мне, к моему дню рождения, к юбилею. Кто знает, увидимся ли мы боле... – просил он по телефону, и голос был едва ли не загробный при хорошей слышимости, как по заказу. – Дорогу я вам оплачу. Ведь дачу-то я продал и меж вами деньги поделил. Найдите только на проезд в одну сторону...

На семейном совете было решено: старика срочно перевозить к себе! Катя и Веснянка останутся пока там в его квартире, и будут проживать в ней до момента операции девочки. Затем вернуться.

Операция стала второй необходимостью переезда на малую родину.

Поскольку Катя была прописана на жилплощади деда, в другом регионе страны, «аж за три локтя по карте», то и её дочь должна быть прописана по месту прописки молодой мамы. В этом случае, есть надежда на субсидии на операцию из местного департамента здравоохранения. Но как ей, Кате, так и её родителям хотелось, чтобы операция была проведена в Москве, поскольку здесь, полагали, и профессиональный уровень выше, и тот же сервис обслуживания. Да и самим молодым дедушке с бабушкой будет сподручнее, могут почаще приезжать в «Бакулевку», помогать при необходимости. Особенно, послеоперационный период беспокоил. Если здесь они рядом и под рукой, то там, в Сибири, они, дочь

и внушка, одни. На дедушку-прадедушку надежда была плохая, за ним самим, похоже, нужен будет догляд.

Прописать внушку отцу не удалось. Это не прежнее время, при котором нечто подобное однажды проделывалось, только поколением раньше. Однако, уроки предков не всегда поучительны. И молодые дед и бабушка пошли было по старому кругу.

Но сколько не бегал основной хозяин жилплощади, чтобы прописать дитя малое, уже успевшее въестся в его душу и сердце, результат оставался нулевой. Во всех инстанциях ответ был один:

– Дети прописываются только по месту жительства матери.

– Но ведь мы тоже не чужие, родная кровь! И она наша кровиночка! Мы дедушка и бабушка. Она у нас родилась, два года прожила с нами...

– Мы верим, что вы дедушка и бабушка. Верим, что хорошие и что родная кровь. Да только для закона этого недостаточно. Согласно закону, она должна отбыть на место прописки своей матери и, желательно, вместе с матерью. Или же мамочку надо лишать родительских прав.

– Это ещё зачем? – изумился хозяин приватизированной жилплощади, на которую он, оказывается, не вправе прописать даже того, кто ему стал дорог с первых дней их знакомства. – А как же раньше, в Советские времена, дедушка, при живых родителях, прописал к себе на жилплощадь свою внушку?

– Тогда... Тогда жилье принадлежало государству, и Страна Советов решала, кого – куда сослать, а кого к кому прописать. И тем более в Сибири. А теперь, при поголовной приватизации, детей, как котят на улицы вышвыривают.

– Так тут ей как бы два места на жительство предоставляется...

– Больно хитро. И тут государство поддаивать и там не упустить.

И так, установлено, хитрость не порок, но с государством не поиграешь. С законом не потягаешься, особенно тот, у кого в арсенале пшик, то есть не имеется в наличии подзаконных инструментов в виде красной, голубой, а лучше – зеленой наличности, как говорит Катя. Это давно пора было уяснить, а не жить совковыми представлениями... И потом, их квартира, не ахти какая большая по площади, чтобы на ней можно было разместиться четверым, даже родным и любимым. К тому же на ней был прописан при приватизации брат Гоша. Хотя, конечно, как говорится, не возьмёт лихота, не возьмёт и теснота...

Из тысячи появившихся на свет детей восемь рождаются с различными пороками сердца, как утверждает официальная медицинская статистика. И этот показатель не предел. А поскольку мы все в большей своей части воспитаны оптимистами, то верим – предела не будет. На то оказывает влияние экологическая обстановка на нашем зелено-голубом шарике и запредельное количество стрессовых ситуаций, что воздействуют на молодых мам, и, быть может, что-то достается им (этим детям) и от пап. Но на каждое противное действие испорченной атмосферы, появляется что-то что оздоравливает, выпрямляет, исправляет эти нарушения. Что касается медицины, то и она не стоит на месте. Её врачующий скальпель проник во многие, если не во все, области человеческого тела слегка поврежденного мстящей матушкой-природой. Что касается сердца, то этот *perpetuum mobile* (до определенного срока) изучен со всех сторон и потому, кажется, сложности проведения операции на нём опасаться не следует. Однако же хочется, чтобы она была проведена в добротной, если не лучшей клинике, при участии классного кардиохирурга, если не первоклассного, и при наличии порядочных условий содержания больных. Может поэтому кажется, что лучшее – это столичное, а лучше – заграничное. Но на лучшее, тем более – на заграничное, к сожалению, у большинства родителей, кто испытывает вину невесть за что перед своим дефективным чадом, средств нет. И потому они с надеждой обращают свои взоры на региональные бюджетные фонды с тощим кошельком. А когда «обмануть» родное государство в лице его стро-

гого чиновника не удалось, Катя и её родители смирились: будь что будет. И она повезла Веснянку «за три локтя по карте». Они, приняв приглашение деда, все вчетверо направились на их историческую родину.

Была также надежда на близких родственников. К тому же отец намерен продать гараж, пусть не достроенный, но всё же какие-то деньги, и взять в сбербанке грабительский кредит под свою пенсию. А там, может быть, и дедушка Никифор поможет. Ему ли сейчас не заниматься благотворительностью и меценатством?

Тут выстраивалась и третья причина: уход за дедом. Это её долг и обязанность. И уж теперь они будут с ним жить в мире и согласии до скончания его лет. По крайней мере всё, что будет от неё зависеть, она сделает. Создаст для деда максимум комфорта, окружит его заботой и любовью. Глупостей, когда-то пудрившие ей мозги, теперь в ней нет. Хотя в глубине сознания, она те размолвки, скандальчики, скандалы, всё же не считала таковыми. Или почти не считала. Ведь был же в них смысл. В конце концов, проходил же какой-то созидательный процесс. Шлифовался характер, шло понимание того же смысла, формировалось мировоззрение, пусть не мирового масштаба, но и на индивидуальном уровне мир удержать тоже было делом не простым. Но она держала его, а теперь и подавно. В оставшие годочки она постарается не омрачать деду жизнь. Да и он намаялся один, поди, остепенился. Теперь ли им не жить душа в душу...

Что касается ностальгии, как четвертой причине, – то это душевное и психологическое состояние, пожалуй, можно отнести к обобщающей. Она всё хорошее и плохое как бы всеобъемлет, фокусирует в одно нечто ёмкое, значимое, влекущее к себе. Если взять детство, до тринадцати лет, то это одна картинка на экране памяти. Если брать юношеские и молодые лета, с девятнадцати и до тридцати, то в памяти уже другая картина. В первом случае – радужная беззаботная, можно сказать, сказочная, если не считать каких-либо мелких сиюминутных огорчений, обид, теперь уже почти забывшихся. Во втором же – веселая, юморная до слёз и страстная до умопомрачения. Если бы не было первой лубковой картинки, написанной детством, то вторая будоражила бы сознание, лишь при одном её упоминании. И для своего личного благополучия – лучше бы не страдать ею, ностальгией. Вызывает жалость к себе. Особенно к бабушке, к Анне Николаевне. Да и к дедушке тоже, – злости к нему она не испытывала. Его строгость, его придирчивость, его требовательность теперь высвечивались, как нечто даже необходимое.

11

После того, как дедушка выгнал Катерину, Анна Николаевна осталась одна, беспомощная, неухоженная и часто голодная. Никифор Павлович всё также уезжал на фазенду. Уезжал утром, и вечером, если не забывал, возвращался. На сутки, а то и надвое бабушка оставалась, предоставленная сама себе. Ту еду, что он готовил и оставлял на стуле, бабушка сослепу иногда опрокидывала, случалось и судно. Но воду в полиэтиленовой бутылке берегла пуще своего ока, которое, в сущности, ей теперь было не столь нужным. Катя, живя у подруги, до приезда своих родителей, прибегала к бабушке. Просчитывая время, она угадывала отсутствие деда, и ухаживала за ней. Та радовалась ее появлению, плакала и говорила ослабевшим голосом, едва шевеля языком:

– Ты уж на деда сильно не серчай. Ему ведь тоже нелегко. Твой грех и его гнетёт.

– Мне уже не четырнадцать и даже не пятнадцать лет. Мне уже почти вдвое больше. Это-то он может понять?

– Он-то может, да гордыня не позволяет. Воспитаны мы маленько по-другому.

– Он хочет, чтоб я замуж вышла и тогда родила? Нет. Не будет этого. Пусть бы он тогда побеспокоился и о потенциальном для меня женихе, воспитал бы его по своему образцу и подобию. А то, куда не глянешь, замуж выходить не за кого, одни дебилы вокруг. Выйди, да потом майся с ним. Нет уж! Мы уж так уж как-нибудь уж. Я для себя дитя хочу. И я его на сей раз рожу. Пусть он хоть на понос изведётся, а по евонному не будет.

– Не горячись. Он ведь хочет, чтоб всё по-человечески, по нормальному было.

– Хотел бы, чтобы было по нормальному, тогда не надо было нам с Алешкой мешать. Он вынудил аборт сделать, так пусть теперь притихнет. Нет? – я и без него, без его помощи проживу. Мать с отцом ждут, не дождутся внука или внучки, а ему, видите ли, правнук или правнучка – шерсть дыбом поднимают. Пусть щетинится, ершится, этим меня теперь не проймёшь.

– Когда, говоришь, Татьянка приедут за тобой? – спросила бабушка о дочери.

– К Новому году.

– Под мой день рождения, – с задумчивой грусть проговорила она. – Дожить бы...

– Доживёшь.

– Пока ты здесь, постараюсь. Ты уедешь, наверное, и я помру.

– Почему?

Бабушка пошамкала беззубым ртом – протезы лежали в стакане – и неопределенно сказала:

– Чувствую...

И прожила она ровно три с половиной месяца после Нового года, после отъезда Кати с родителями. По какому-то роковому совпадению умерла на второй день после рождения правнучки, как бы своей смертью освобождая ей жизненный путь.

12

Уже вернувшись на место прописки, она узнала от подвыпившей соседки, впрочем, это её почти естественное состояние, кое-какую подробность о последних днях Анны Николаевны.

– Как-то звоню к нему. Никифор Павлович: открывай, говорю, дело есть. А он через дверь:

– Какое ещё дело? – только, видимо, приехал с фазенды.

– А я ему: тебе тут, говорю, кой-чего какие-то родственники оставили. Возьми, говорю... Он только открыл дверь, а я его в сторону и к бабе Анюте.

Соседка закачала головой и брезгливо зафыркала, отплёвываясь.

– В комнате у неё – вонище, продохнуть невозможно. Она сама белёсая, што снежинка. Уж не говорить, не двинуть ручечкой не может. Глаза, как у чумовой, раскрыты широко, а ни хрена не видят... Дай грамм сто, горло сушит.

Катя налила ей полстакана водки и себе немного.

– Давай, помянем, – сказала соседка и залпом выпила. Потом долго порхала, вздрагивала, заедая огурцом и кусочком хлеба. – Он ведь её взаперти держал, никого к ней не пушал. Сам чёрте знает, куда уматывал. Мы на лавочке под окном сидим, её песни слушаем. Волосы дыбом встают, как она поёт, или воет. Вот я и вломилась, штоб удостовериться... Хорошая бабка была, чего он так-то с ней?.. А может, я ни черта не понимаю в колбасных обрезках? Он может, тоже уморился с ней, сердешный? Умирать не умирает, а маяты сколь создаёт... Давай ещё по маленькой и пойду я. Не могу я здесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.